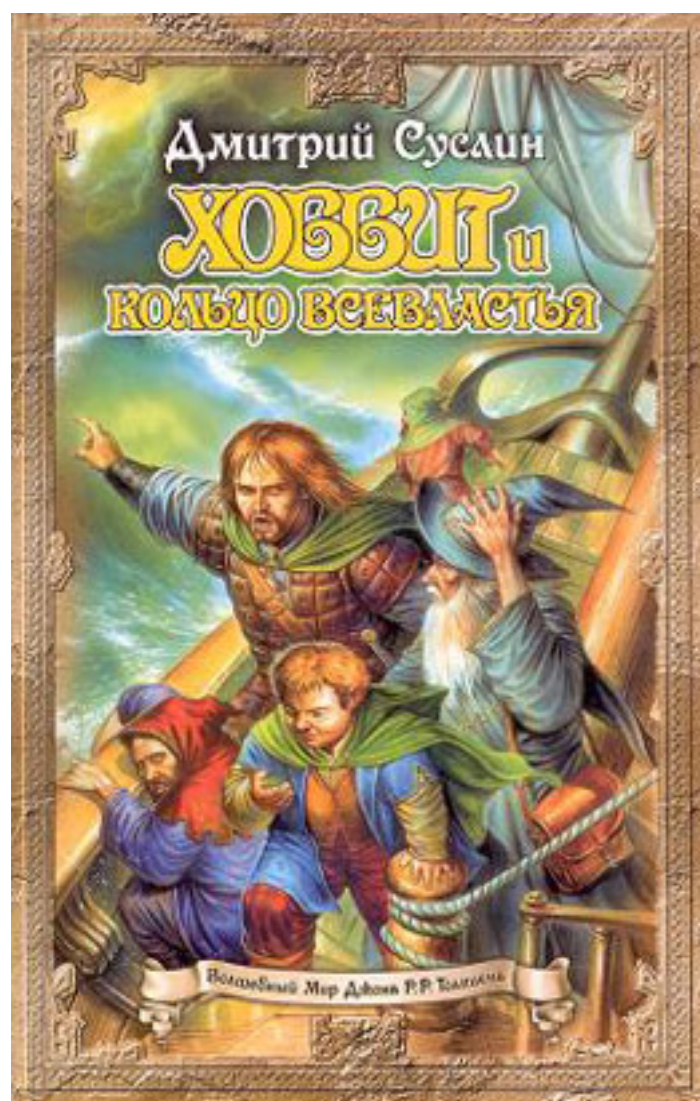




Дмитрий Юрьевич Суслин
Хоббит и кольцо всевластья (Первый поход)
Серия «Хранитель Кольца», книга 3

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163966

Аннотация

И вновь Бильбо Бэггинс отправляется в Путешествие. Третье по счету, и самое опасное.

Страшной легендой овеяны скалистые берега Зачарованных островов, обильно политые кровью и усеянные костями невинных жертв. Это владения мертвой королевы Берутиэль. Но еще страшнее зловещие развалины и подземелья Дул-Гулдура – Черной крепости, где витает дух самого Врага.

Невероятные испытания выпали на долю хоббита. Именно здесь предстоит Хранителю Кольца расстаться со своей ставшей непосильной ношей. Удастся ли хоббиту победить себя? А его другу, доброму магу Гэндальфу, – победить Кольцо и навсегда избавить Средиземье от Зла и Вековечной Тьмы.

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	41
Глава седьмая	50
Глава восьмая	55
Глава девятая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дмитрий Суслин

Хоббит и кольцо всевластья

(Первый поход)

Часть первая

ПОСЛЕДНИЙ ПАЛАНТИР

Глава первая

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ В РИВЕНДЕЙЛЕ

Осень пришла в Эльфорт и окрасила окружающие его березовые рощицы в нежные золотые тона. И без того прекрасный дворец эльфов, где хозяином вот уже много веков был Элронд, превратился в поистине сказочный уголок. Везде звучала музыка, и прекрасные голоса распевали старинные и только что сочиненные песни. С тихим плеском нес свои воды Ривендейл – река, имя которой носила и вся эта местность, которую люди называли Эльфортам или Последним Домашним приютом, а эльфы Роздолом.

В одном из залов дворца вот уже четыре дня находился глава Совета Светлых магов и Мудрых эльфов Саруман Белый. Несколько недель назад он наконец-то узнал местопребывание Гэндальфа Серого, и послал к нему гонца с приглашением на Совет Светлых магов и Мудрых эльфов в доме Элронда. Гэндальф ответил, что непременно будет. Он также указывал даже день и время, когда он прибудет к месту встречи.

Саруман прибыл раньше Гэндальфа и попросил Элронда созвать и остальных членов Белого Совета.

Элронд, для которого приезд главы Совета был несколько неожидан, был немного удивлен:

– Это надо понимать, как большой созыв?

– Нет, – ответил Саруман, – это будет всего лишь званый обед. Вопросы совершенно незначительные и не стоят большого внимания, так что нет смысла уединяться на колоннадах горы Ослепительной.

Элронд выполнил просьбу светлого мага.

Теперь Саруман ждал Гэндальфа, и в душе у него боролись сразу два чувства. Нетерпение и в то же время желание отсрочить разговор. Особенно он хотел, чтобы разговор между ними состоялся при всех участниках Совета.

Однако Гэндальф прибыл на два дня раньше назначенного им срока. Не отдыхая и не обедая, он, как только прослышал, что Саруман тоже в замке, поспешил к нему.

– Ты? – удивленно поднял брови Саруман, когда увидел его. – Разве ты не должен был прибыть послезавтра?

– Я, – голос у Гэндальфа был усталым и полностью лишен того боевого задора, какой в нем всегда звенел, чуть ли не звонкой сталью. Он тяжело уселся в глубокое кресло у окна и против света, так чтобы не видны были черты его лица. – Прийти вовремя не получилось.

– Ты неважно выглядишь, – заметил Саруман. – Сколько мы не виделись?

– С прошлого совета. Ровно семь с половиной лет. С того самого дня, как я отправился на поиски Ока Дракона.

– И как успехи? Я слышал, ты здорово нашумел в Горелых горах.

– Да, я нашел Око Дракона.

– Я знаю об этом.

Гэндальф не удивился.

– Я знаю, что ты знаешь.

– Тебе сказал твой хоббит?

– Да, четыре года назад, когда я последний раз был у него вместе с гномом Балином.

– Забавный малый этот твой хоббит, – заметил Саруман. – И главное очень удачливый.

Чрезвычайно удачливый. Скажи, зачем ты повсюду таскаешь его за собой?

– Ты уже ответил на этот вопрос.

– Каким образом?

– Ты сказал, что хоббит удачливый. Очень верно замечено. Именно поэтому я и пользуюсь его услугами. Он для меня что-то вроде талисмана. Когда он рядом, дела идут. Когда его нет, возможны заторы.

– Хитришь. Но где именно, я не могу понять. Ладно, оставим невысоклика в покое. Вернемся к нашим делам. Каковы они? Значит, ты нашел Око Дракона.

– Именно так.

– Однако это было довольно давно. Драконшу и палантир ты уничтожил год спустя после Совета. Где же ты пропадал до сегодняшнего дня? От тебя не было вестей. Совсем не похоже на Гэндальфа Серого.

Гэндальф впервые чуть улыбнулся:

– Неужели Саруман Белый не знает, где я был? Возможно ли такое?

– Признаюсь, мне было не до тебя, – хмуро ответил Саруман.

Гэндальф усмехнулся:

– Так много времени занимает строительство?

– Что? Какое строительство?

– До меня дошло, что ты превратил свой дом в Изенгарде в неприступную крепость.

Так ли это?

– Ах да, пришлось потаскать камни, – недовольно буркнул верховный маг. – Тролли и орки снова начали плодиться как кролики. Туманные горы опять становятся мрачным местечком. Да и стаи варгов стали подниматься с Бесплодного края через Срединные хребты. Я охраняю не себя, а Мустангрим. Так было оговорено с королем Коники Тенгелом. Теперь твоя очередь давать ответ. Итак, где ты был все эти годы?

Гэндальф поежился, словно на него налетел холодный восточный ветер и поплотнее закутался в серый плащ.

– Я искал палантиры. Остальные.

– Не понимаю. Разве Око Дракона не сказало тебе все про Кольцо?

– Нет. В нем оказалась только часть общей головоломки. Хотя и не малая. Остальные куски мозаики оказались в других камнях. Вот их поисками я и занимался все это время.

– И как успехи? – полным участия голосом спросил Саруман. Он заметно оживился.

Гэндальф вздохнул. Некоторое время он не отвечал и о чем-то размышлял, положив подбородок на рукоять своего посоха.

– Почему ты молчишь? – наконец не выдержал Саруман.

– Потому что говорить нечего. Я не нашел их.

Видно было, что эти слова достались ему немалым трудом.

Саруман еле сдержал выпирающую из него радость. Грудь его поднялась и опустилась.

Оба мага некоторое время молчали. Затем Гэндальф встал и направился к выходу.

– Постой, – попытался остановить его Саруман, – а что ты узнал от Ока Дракона?

Уже в дверях, не оборачиваясь, Гэндальф кинул:

– Обо всем подробно я сообщу на Совете, который ты созвал. Не хочется повторяться.

Хлопнула за Гэндальфом дверь. Саруман остался один. Долго смотрел он на закрытую дверь, за которой скрылся его собрат по магическому искусству. Затем на его устах появилась загадочная улыбка.

– Ах, Гэндальф, Гэндальф, – произнес он, – а ведь я почти дословно знаю все, что ты скажешь на Совете. Зря ты так скрытничаешь. Тебе не обогнать меня в этих поисках. Сколько бы ты не старался, я все время буду первым. Даже больше! И сегодня я, наконец-то, собью с тебя спесь.

Он опять замолчал и задумался. Мысли его целиком были заняты событиями последних пятнадцати лет. Что-то их слишком было много этих событий. Крупных событий. Важных событий. Как-то отразятся они в будущем? И слишком активную роль вдруг в них стал играть Гэндальф. Куда более активную, чем он – Саруман Белый, глава совета Светлых магов и Мудрых эльфов. Да-да, Гэндальф! Он, который и раньше везде совал свой нос, вдруг стал совсем уж вездесущ. Ни одно мало-мальски крупное событие в Средиземье не проходило без его самого активного участия. Разве не он устроил знаменитый поход на Одинокую Гору, направив туда Торина Оукеншильда? Как ловко он тогда сыграл на сребролюбии гномов! Ловкач! И чем это кончилось? Был убит Смог! Разразилась великая битва. И тогда же Гэндальф чуть ли не силой заставил Светлых магов и Мудрых эльфов вступить в борьбу с Некромантом. Саруман едва успел перехватить инициативу из его рук и сам возглавил это дело. А разве не должен он был это сделать? Или не он глава Совета?

Вспомнив о Некроманте, Саруман поморщился как от зубной боли. Воспоминания о штурме Дул Гулдура были для него вечной мозолью на ногах. Возглавить то он тогда возглавил, а вот дело сделал из рук вон плохо. Можно сказать, провалил его. Решил в одиночку расправиться с Черным чародеем, не подал вовремя знак Гэндальфу, и в результате упустил Врага. Вместо того, чтобы уничтожить Некроманта, его всего лишь изгнали из Черного леса. И он спустя некоторое время объявился в Мордоре и объявил себя Сауроном Древним – владыкой зла и наследником Моргота, его прародителя.

Никто из Светлых, даже Гэндальф, тогда не понял всю степень его сарумановой вины в этом поражении. И даже он сам старался гнать от себя мысли об этом. Но себя не обманешь. Слишком мудр и умен был светлый маг, чтобы обманывать самого себя. Но все-таки уйти от ответственности за провал хотелось. Очень хотелось.

«А так ли уж я виновен? – думал он. – Я всего лишь возложил на себя ответственность, которую должен был взять, как это полагается Главе Совета. Разве не для этого был я избран? Избран единогласно. А почему все так вышло? Конечно же из-за спешки. Гэндальф всех так торопил, так паниковал, что штурмовые отряды были собраны наспех, эльдары – младшие маги, пришли не все. Люди и эльфы еле могли вынести друг друга. Да и время для настоящего магического удара по Врагу было не подходящее!».

Саруман каждый раз находил все новые и новые доводы и причины, убеждая себя в собственной невиновности и непогрешимости. И чем больше доказывал он себе свою правоту, тем больше сомневался и раздражался.

Да, глава Белого Совета стал сомневаться в себе. Вернее не в себе, а в своем авторитете среди тех, кому он давал слово на Совете. Ему казалось, что действия Гэндальфа, его поступки и многочисленные подвиги в борьбе с силами зла оттеняют его Сарумана величие и положение. Вот что раздражало больше всего. И еще злило. Хотя злоба – последнее дело в магическом искусстве. Но в этом-то и дело, что больше всего Сарумана злило то, что Гэндальф все делал с блеском и с огоньком, так, чтобы все вокруг видели, каков он молодец. В то время, как Саруман искренне считал, что магу должны быть чужды дешевые эффекты и всеобщая популярность. Настоящие деяния магов должны быть видны и известны лишь избранным.

Но больше всего Саруману не нравилось то, что Гэндальф вдруг всерьез заинтересовался Кольцом. Тут уж он и вовсе полез не в свое дело. «Разве он в этом что-либо смыслит? Ничего не понимает, а все же баламутит всех со своими бреднями. Даже набрался наглости заявить, что он нашел его. Нашел Кольцо! Жалкий выдумщик!» – так думал Саруман о своем сопернике.

«А может, он и вправду его нашел?» – вдруг мелькнула у Сарумана мысль, и он поспешил прогнать ее. Такого не может быть. А если и так, то ведь Гэндальф все равно не скажет, где оно. Вот где он поглумиться над Саруманом, держа в своих руках тайну. Нет, этому не бывать!

Маг резко встал и нервно прошелся по комнате. Около большого овального зеркала он остановился и глянул на свое отражения. Из зеркала на Сарумана, грозно сверкая черными глазами, смотрел старец. Лицо его было напряжено, губы плотно сжаты, глаза прищурены. Руки сжимали посох, который заискрился фиолетовыми лучами, а белая хламида словно наполнилась воздухом и трепыхалась от ветра, хотя все вокруг было спокойно. Увидев себя таким, маг вспомнил, что не подобает ему так ярко проявлять в своем внешнем облике внутреннее состояние. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Когда снова открыл их, то в зеркале перед ним был снова прежний Саруман Белый, глава Белого Совета, маг преисполненный мудрости, спокойствия и величия.

– Сегодня же я покончу с этим выскочкой, возомнившим себя самым пресамым магом! – прошептал Саруман. – И уж больше я не дам ему верховодить на Совете. Хватит!

Совет состоялся на следующий вечер. На нем, кроме Гэндальфа и Сарумана, присутствовали все его постоянные члены: Радагаст, Селеборн и Галадриэль. Не было только Сирдана – Повелителя морских просторов, кораблей и гаваней, а также младших эльдаров. В отличие от прежних советов, этот проходил за пиршественным столом, как и хотел этого Саруман. Ужин. Званный ужин. Он и начался с тостов во славу и здравие друг друга. И не сразу разговор зашел о делах, только когда на столе остались лишь фрукты и кубки с вином.

Когда сотрапезники перестали есть и пить, начался серьезный разговор. Правда перед этим Гэндальф вдруг достал трубку, быстро действуя ловкими длинными пальцами, набил ее табаком, и закурил. Над столом взвились светящиеся разноцветными огнями кольца дыма.

Саруман хмыкнул:

– Как всегда Гэндальф забавляется. И он не устает забавлять нас. Мастер огня. Надо же! Теперь вот дым. Цветной дым. Как это удивительно. Вот действительно настоящее чудо, достойное такого великого мага.

Гэндальф улыбнулся.

– Это всего лишь забава. Признаюсь, приятная забава. Я научился ей у моих друзей из Хоббитании. Трубочное зелье отлично успокаивает нервы и освежает мысли.

– Что-то ты часто бываешь в Хоббитании.

– Мне там нравится. Эти хоббиты такие забавные.

– Не морочь нам голову невысокликами! Стоит ли говорить о них в таком обществе, как наше? Лучше расскажи о том, как ты выполнил задачу, которую возложил на тебя Белый совет, когда мы собрались в прошлый раз.

– Да, да, – закивали эльфы Селеборн, Галадриэль и Элронд, – мы слушаем тебя, Митрандир.

– Рассказывай друг, как там дела. Что с Оком Дракона? – оторвался от кубка с эльфийским вином Радагаст, маг, повелевающий зверями и птицами.

– Хорошо! – согласился серый маг и выпустил последнее кольцо дыма, после чего спрятал трубку в рукаве.

И Гэндальф подробно рассказал Совету о своем путешествии к Горелым горам, и о том, что произошло в Лабиринте Подземелий. Все слушали его внимательно, особенно то, что касалось палантира. Когда же Гэндальф поведал песню Ока Дракона, то над столом повисло тяжелое напряжение. Медленно и распевно звучал голос мага:

Там где было Кольцо рождено,
Там и исчезнуть сможет оно...

В полной тишине сидели задумчивые Элронд и Радагаст, Галадриэль и Селеборн. Они слушали и запоминали каждое слово, которое произносил Гэндальф. Старый маг и сам был взволнован, когда заканчивал читать последний стих.

Трех магий, когда лишится оно,
Всем кольцам бессилье тогда суждено.
Сила колец угаснет навек,
Владыкою станет на земле человек.

– Ответы, которые рождают новые вопросы, – заметил Элронд, когда Гэндальф закончил.

– Да, это так! – ответил маг. – Сказано много, но еще больше недосказано. Очень типично, учитывая, что песню сложил глаз дракона. Одно ясно – надо искать другие палантиры. В них новые ответы.

– Так ищи же! – с усмешкой заметил Саруман. – Ищи, Гэндальф. Иначе все твои домыслы не стоят выеденного яйца. Все это дым, фантазии, неразгаданные сны.

– Признаюсь, что тут я потерпел поражение! – чуть не в отчаянии поднял руки Гэндальф. – Все эти годы я потратил на поиски палантиров, но все тщетно.

– И где ты их искал? – с простодушием спросил Радагаст.

– Везде, где только мог. Я взял в основу своих поисков концовку третьего и четвертый стих.

Магия вод, вот ключ от всего.
В глубинах вод, где тишина,
Спит тайна, надежно укрыта она.
И руны ее молчат сотни лет,
Надежно хранят на вопросы ответ.

Продекламировал маг.

– Магия вод, вот ключ от всего! Эти слова запали мне в сердце. Я понял, что ответ здесь. В глубинах вод спит тайна, и руны ее молчат. Первое, что мне пришло в голову, что палантир спрятан в Рунном море, и с компанией гномов я отправился туда. Несколько месяцев поисков и все впустую. Там ничего не оказалось. Рунное море – мертвое море! Тогда я отправился в Гондор и искал там. Залив Белфаласс, потом Западное море. Внутреннее, Внешнее, Северное моря! Я общался с морскими эльфами, разговаривал с рыбами. Мне помогали киты и дельфины. Все напрасно. Вода не отдала мне свою тайну. Я проиграл. О чем и признаюсь вам, друзья мои. Теперь мы должны заняться этим вместе.

Совет безмолвствовал. Все сидели, не двигаясь. На лицах у всех была крайняя задумчивость. Даже Галадриэль, казалось, была растеряна. Только Саруман, как ни в чем не бывало, попивал из кубка вино, и по всему было видно, что он думает только о его вкусе. Гэндальфа это даже обидело.

– Ты пьешь, Саруман Белый, словно тебя все это не касается. Или тебе известно больше, чем нам?

– Так оно и есть, мой дорогой Гэндальф, – улыбнулся глава Совета. – Я ведь тоже не сидел, сложа руки. Не все Саруману только командовать. Надо и в деле себя показать.

– Так поделись с нами своими знаниями. Или мы недостойны твоего внимания?

– Не горячись, Гэндальф, – сделав еще глоток, улыбнулся Саруман. Он уже не пытался скрыть своего самодовольного тона. – Ты мокнул в морях, соленые ветра трепали твой плащ, волны захлестывали твой корабль, а я всего лишь сидел у себя дома в Изенгарде, когда ко мне пришел гость. Кстати, твой дружок.

– Хоббит? – удивился Гэндальф. – Я знаю, что он был у тебя, и ты даже помог ему добраться до дома, что на тебя не совсем похоже – обращать внимание на подобную мелочь, как заблудившийся невысоклик.

– А я обратил. Не такой уж я и важный, – несколько наигранно засмеялся Саруман. – И даже внимательно следил за его передвижениями. Кто знает, если бы не я, твой приятель мог бы и не добраться до дома. Хотя все же признаюсь, он очень удачлив. Очень! Настолько, что побывав у Болотной королевы, ушел от нее невредимый, да еще и прихватил у нее с собой Осгилиат – Сердце Земли, палантир, который считался потерянным в водах Андуина. Однако все утерянное, когда-нибудь да находится.

Все так и ахнули. Все, кроме Гэндальфа. Тот просто застыл на месте. Саруман с видом победителя поднялся со своего кресла.

– Забавно, не правда ли? Ирония судьбы. И как замечательно, что он пришел именно ко мне, этот Бильбо Бэггинс.

– Действительно замечательно, – пробормотал Гэндальф. – Да, я сейчас вспоминаю, что Бильбо рассказывал мне про какой-то изумруд, который он потерял в горах. Я не придал тогда этому значения.

– Напрасно. Хотя, впрочем, ничего в этом трагичного нет. Потому что к великому нашему всеобщему счастью, я нашел Осгилиат, когда шел по его следам.

– И что ты узнал от него?

– Мне он тоже спел песню, – усмехнулся Саруман.

И он тоже продекламировал, чуть ли не подражая Гэндальфу:

Силу Кольца в замке Врага
Камень Магов может сломить
И черной силы лишить
Его на века.

Все, затаив дыхание, слушали, что говорит верховный маг. Саруман же сделал многозначительную паузу, затем сказал:

– Но это еще не все. Там были еще строки. Вот они:

Но никому не досталось оно,
Ни врагу и не другу.
Океанское дно,
Им украсил седой Андуин.
И Кольцо навсегда
Покинуло мир.
Навсегда.

На последних словах Саруман подошел к Гэндальфу и пристально глянул ему в глаза. Тот не отвел взгляда, и два мага долго смотрели друг на друга и ничего не говорили.

– Что все это значит? – воскликнул Радагаст, прерывая всеобщее молчание. – Я перестал что-либо понимать. Так все запутано.

– Это значит, что наш друг Митрандир ошибся. Он принял за Наше Кольцо другое кольцо. Мало ли волшебных колец на свете? Впрочем, никто не застрахован от ошибок. И Гэндальф тоже ошибся. И это не то Кольцо!

– Возможно, – глядя в пол, пробормотал Гэндальф. Руки его судорожно сжимали жезл.

– А я в этом просто уверен! – горячо воскликнул Саруман. – И теперь у нас есть доказательство этому.

– Доказательство, – оживился Гэндальф, – правильно. Ты представишь нам Осгилиат?

– Сразу после того, как ты покажешь нам Око Дракона, – ухмыльнулся светлый маг.

– Что это значит?

– Всего лишь то, что у меня его нет.

– Ты оставил его в Изенгарде?

– К сожалению палантир исчез, сразу после того, как выдал свою тайну. Он растаял в ледяном озере, как только выложил руны в стихи, словно обыкновенный кусок льда. Растворился, как сахар в воде. Увы. Или ты не веришь мне?

Гэндальф махнул рукой и тяжело опустился в кресло. Казалось, что он постарел еще больше. Галадриэль встала со своего места, подошла к магу и положила ему на плечо руку:

– Стоит ли так расстраиваться, дорогой Митрандир? Разве Саруман принес нам не радостную весть? Нет Кольца, нет надобности, искать его и уничтожать. Разве это не отрадно?

– О, прекраснейшая Галадриэль, – ответил Гэндальф, – я был бы счастлив этому, не меньше всех вас, но сомнения не оставляют меня. Не слишком ли легко Кольцо оставило этот мир? Почему же тогда растет сила Врага? Почему поднимается Мордор? Почему так беспокойно в Средиземье? Я ищу ответы на свои вопросы и не нахожу их. А что показывает твое Зеркало?

– Зеркало ничего не показывает с того дня, как в нем погас красный огонь, и я поняла, что ты победил драконшу, – ответила Галадриэль. Ее лицо вдруг охватила задумчивость. – Все эти годы, в нем вижу я лишь сияние звезд небесных. Правда месяц назад...

– Что месяц назад? Ты увидела что-то важное?

– Нет. В том-то и дело, что нет. Туман. Только густой серый туман, какой бывает в Северном море. И я ничего не могла сквозь него разглядеть. Так было три дня, затем туман рассеялся, и я опять увидела звезды.

– И какие это были звезды? – без особого интереса спросил Гэндальф.

– Созвездие Белой Чаши. И особенно ярко сверкал Хеллуин.

– Созвездие Белой чаши, – задумчиво произнес Гэндальф. – Так называли его в Арноре. Теперь же Гондорцы называют его Большим котом. А Хеллуин покровитель Минас Тирита. Значит, Гондор по-прежнему стоит на страже и не допустит Врага в Средиземье?

– Возможно, – ответила Галадриэль и вернулась на свое место рядом с Селеборном.

Светлый Совет подходил к концу.

– Теперь, друзья мои, – обратился Саруман ко всем собравшимся, – нет нужды заниматься Кольцом. Его нет! Андуин унес его в океан. Оттуда его не достанем ни мы, ни Саурон, даже если он возродится. Драконы нам теперь тоже не страшны. Гэндальф избавил нас и от этой угрозы. Мы можем быть спокойными. Зло в Средиземье под нашим контролем. Свет Хеллуина хранит нас, как только что поведала прекрасная Галадриэль. И это славно. А то мы слишком часто собирались в последнее время. Все это сильно отвлекает от истинно

нужных занятий. Я, как избранный вами глава Белого Совета, закрываю его. Лучше продолжим ужин. У Элронда так все чудесно и замечательно.

Утром Светлые маги и Мудрые эльфы покинули Ривендейл. Они не прощались друг с другом, и никто никого не провожал. Последним ушел Саруман.

– В какую сторону отправился Гэндальф? – спросил он Элронда.

– Гэндальф ушел на восток.

– Что ж, да сопутствует ему удача, – вздохнул Саруман. – Я думаю, что мы не скоро соберемся в следующий раз. Пока нет нам надобности, снова собираться и что-то обсуждать. Покой надолго воцарился в Средиземье. Мы ему уже не нужны. Теперь каждый пусть отвечает за свою вотчину. Тебе, Элронд, Ривендейл, Селеборну и Галадриэль Лоризэн, мне Изенгард, а Радагасту птицы и зверушки. Мне кажется, что и старине Гэндальфу пора перестать странствовать и тоже найти себе тихое пристанище.

– Я передам ему твои слова, Саруман Белый, – согласился Элронд.

Саруман усмехнулся:

– Не думаю, что он к ним прислушается?

На этом они расстались. И никто из Светлых магов и Мудрых эльфов еще не знал, что больше Белый Совет уже никогда не соберется под предводительством Сарумана Белого.

Глава вторая

ГЭНДАЛЬФ НАВЕЩАЕТ БИЛЬБО

Элронд ошибся, когда сказал, что Гэндальф пошел на восток. Маг прошел в этом направлении всего четыре лиги, после чего сменил направление и отправился, сначала на север, потом резко свернул на запад, а через несколько дней на юг. Спустя несколько дней, после Белого Совета, он был уже в Хоббитании, и глубокой ночью никем не видимый и неслышимый вошел в Хоббитаун, где жил Бильбо Бэггинс.

Стук жезла по круглой двери заставил Бильбо, который собирался ложиться в постель, подпрыгнуть от неожиданности. Сердце его сначала упало в пятки, а потом так же стремительно вернулось обратно. Уж очень хорошо был известен хоббиту этот стук.

– Гэндальф! – воскликнул он, открывая дверь. Слуг в доме уже не было, и поэтому ему пришлось самому спуститься в прихожую. Впрочем, он сделал бы это и при наличии прислуги. Такого гостя должен встречать сам хозяин дома, и только он. – Дружище Гэндальф! Проходи, проходи, дорогой друг. Глазам не верю. Ты ли это?

– Я. Кто же другой будет беспокоить тебя в столь поздний час, милейший мой Бильбо, – смеясь, ответил маг.

– Какими судьбами?

– Все теми же.

У Бильбо глаза стали большими словно блюдца.

– Неужели опять ты хочешь утащить меня путешествовать?

И столько неподдельного ужаса было в его голосе, что Гэндальф расхохотался.

– Не беспокойся, Бильбо! Старина! Никуда тащить я тебя не собираюсь. Я просто пришел поздравить тебя. Если не ошибаюсь, завтра двадцать первое сентября, а значит, твой день рождения? А я и подарок припас.

У хоббита, словно гора с плеч свалилась.

– Уф! – облегченно выдохнул он. – А я то подумал, что опять. Как хорошо, что я ошибся. Это верно? Ты меня не обманываешь? Третьего путешествия я не вынесу.

– Так же верно, как меня зовут Гэндальф Серый. Не беспокойся, в этот раз я тебя с собой не возьму.

– В этот раз? – Бильбо, тем не менее, забеспокоился. – А что, в следующий раз возьмешь?

– Кто знает? По всей видимости, третьего путешествия тебе не избежать. Сам понимаешь. Раз уж стал бродягой, то на цифре два уже не остановиться. Приключения любят цифру три. Да, это так же точно, как цифра четыре все ставит на свои места.

– И когда это случится? – пролепетал бедняга Бильбо. Лицо у него было самое жалостливое.

Гэндальф хлопнул его по плечу:

– Не скоро. Не через год, и даже не через два. Может быть, лет этак через десять. А то и позже.

– Ну, тогда нечего об этом и думать! – махнул рукой Бильбо. Хоббиты живут настоящим. Они не из тех, кто думает о том, что будет послезавтра. Какие горести их ждут. Если сегодня все хорошо, то и надо этому радоваться. А то страшное, что готовит будущее, может быть, и обойдет хоббичий дом стороной. – Давай лучше пойдем, поужинаем.

И Бильбо повел друга на кухню. Он сам развел огонь в плите и поставил чайник. Очень скоро они с Гэндальфом ели яичницу из тридцати яиц с ветчиной и пили чай с кексами. Ветчина была великолепная. Нарезанная тонкими ломтиками, с розовой мякотью, белоснежным салом и золотистой корочкой, она просилась в рот и обещала сказочное удовольствие. Кексы

были и того лучше. Круглые, румяные, темно-коричневые снизу, а сверху покрыты сахарной глазурью. Внутри желтые, как солнце, и обильно утыканные изюмом. Помимо всего этого, были еще пирожки с грибами, тарелка с нарезанной колбасой, сладкие печения, с полдюжину вазочек с вареньем, корзинка с конфетами и пирожными и огромная бутылка с прошлогодним белым вином. Друзья с удовольствием и аппетитом все это поглощали.

– Честное слово, – поделился впечатлением от подобного скромного ужина Гэндальф, – даже в Ривендейле у меня нет такого аппетита, как у тебя, друг Бильбо. Пожалуй, останься у тебя недельки на три, так потом и вовсе не куда не смогу отправиться. Поправлюсь, заленюсь и уже никогда не смогу расстаться с твоей кухней.

– Вот завтра все удивятся, когда тебя увидят! – радостно ответил Бильбо с набитым ртом.

– Я думаю, они не увидят.

– Почему? Разве ты не останешься?

Гэндальф отрицательно покачал головой. Сказать он ничего не смог, потому что жевал очередной кекс.

– Что, даже на пару деньков не удержишься?

– Увы, – не переставая жевать, пробурчал волшебник.

– Хотя бы на праздничный ужин? – продолжал уговаривать Бильбо. – Народу будет немного, только все свои. Дата у меня не круглая. Шестидесят три годика. Так вот.

– И не уговаривай. Не останусь. И не, потому что не уважаю тебя, но после всего, что было, нашим хоббитам лучше меня не видеть. Да и разговоров лишних не будет.

– Это верно, – согласился Бильбо.

– А ты хорошо выглядишь, – как бы невзначай заметил маг. – Намного лучше, чем, когда я видел тебя в последний раз. Когда это было?

– Четыре года назад, – подсказал Бильбо. – Ты пришел через полгода после того, как я вернулся. Да-да, в одна тысяча триста сорок девятом году по хоббитскому летоисчислению, как сейчас помню. И Балин был с тобой. Дружище Балин! Как он там поживает?

– Живет. Что с ним станется? Налей-ка мне еще чайку. Вот так. И сахара положи. Прекрасно. Сливков побольше.

– Да я тогда был не в форме. Это второе путешествие Туда и Обратно меня доконало. Даже вспоминать не хочется. Пожалуй, я тоже съем вот это пирожное. Напоследок оно будет в самый раз.

После трапезы друзья перешли из кухни в гостиную и сели в кресла качалки, заскрипели ими и задымили трубками.

– А все-таки придется кое-что вспомнить, – сказал Гэндальф. – Тогда с Балином ты так мало мне рассказал про свою дорогу домой. Оно и понятно, мы вспоминали Первое путешествие. Второе отошло на второй план.

– Это все Балин виноват, – улыбнулся Бильбо. – Только он один и болтал.

– Возможно. Зато теперь можно обсудить и Второе путешествие. А ведь оно не менее важное было, не так ли? Как мы тогда с тобой висели над пропастью?

– Ага! А под нами Веннидетта! Огонь! Дым! Ужас один! У меня до сих пор руки болят. От одного воспоминания колени подгибаются.

– Итак, мы прикончили эту бестию, и расстались с тобой там же в Горелых горах. Потом ты бродяжничал со странствующими эльфами. Это я знаю еще, куда ни шло, а вот с того момента, когда тебя посадил на орла мой друг Саруман, одни отрывочные сведения.

– Тебя это так интересует? – насторожился Бильбо, и Гэндальф заметил, что вопрос не доставил хоббиту удовольствия.

– Давай рассказывай, – потребовал он. – Начни с болотной ведьмы. Что у вас там произошло?

Физиономия Бильбо просто перекосилась.

– Да ничего там такого не было, – начал он мямлить.

– Ведьма что-то требовала от тебя. Она всегда так делает. Что это было?

– Да так ничего.

– А все-таки.

Гэндальф был так настойчив, так пристально смотрел хоббиту прямо в глаза, что тому волей не волей пришлось рассказать все, что с ним было до того, как он вернулся домой. И про Граномир и про Горлума.

Гэндальф слушал его очень внимательно. По мере рассказа его лицо омрачалось все больше и больше. В конце концов, он стукнул себя по коленям.

– Ах, я старый болван! – воскликнул он. – Искал на краю земли, а оно лежало рядом. Кто я после этого?

– Что тебя так обеспокоило? – спросил Бильбо. – Хотя я тоже целый год не мог успокоиться. Все мне казалось, что этот проклятый Горлум подкрадывается ко мне, чтобы задушить. Даже дома мне было не по себе. Потом ничего, успокоился. Наверно он действительно утонул в реке. Туда ему и дорога.

– Значит, ведьма требовала у тебя Кольцо? А Граномир? Ты отнял его у нее?

– Вот честное слово даже не думал. Граномир спрятался в моей сумке, и я даже не сразу увидел его. А потом он столько раз мне помогал.

– И ты потерял его? Где?

– Вот хоть убей меня, режь на куски, не помню! Был, был, а потом, вдруг его не стало. Может, Горлум его у меня украл? Такой на все способен. И утонул с ним в реке.

Гэндальф поднялся.

– Пойдем, ты покажешь мне кольцо.

Бильбо вдруг опять испугался. Он вжался в кресло и посмотрел на Гэндальфа недобрым взглядом.

– Зачем тебе понадобилось мое кольцо?

Гэндальф очень внимательно посмотрел на Бильбо. Взгляд у него стал тяжелым. Таким тяжелым, что, казалось, вот-вот и он придавит хоббита. Так прошла целая минута. Очень тягостная минута. Затем он вдруг совершенно изменился и стал снова Гэндальфом, добрым хорошим другом. Глаза его потеплели, и маг положил руки хоббиту на плечи.

– Бильбо, мальчик мой! Дружище! Я не собираюсь отнимать у тебя твое кольцо. Я хочу просто посмотреть на него. Пожалуйста, успокойся и давай пройдем в твой кабинет. Там ты мне покажешь свое колечко. Уверяю тебя, я его даже пальцем не коснусь.

– Коли так, то пойдем, – нехотя пробормотал Бильбо.

– Ты часто одеваешь его? – спросил Гэндальф после того, как хоббит провел его в кабинет, открыл свой письменный стол и выдвинул ящик. Кольцо лежало в самом дальнем углу. Красивое, притягательное и одинокое. Они долго смотрели на кольцо. Бильбо любовался им, Гэндальф изучал взглядом.

– Я его почти не одеваю, – признался Бильбо. – Даже ящик не открываю. Как-то мне так спокойнее. Лежит оно, пусть себе и лежит. До поры до времени.

– Ты молодчина, Бильбо! – воскликнул радостно Гэндальф. – Ты просто удивительный хоббит. Я конечно тоже постарался. Сделал все, что мог. Но и ты молодец.

– О чем ты?

– Все о том же. Старайся не пользоваться им. Волшебные кольца, как впрочем и другие волшебные вещи, приятны в пользовании. Очень здорово обладать ими. Но если часто прибегать к их услугам, то потом и сам ничего сделать не сможешь.

Бильбо вдруг самодовольно улыбнулся:

– Это точно. Ведь во второе путешествие я его с собой не брал. Не знаю, как так получилось. Не брал, в общем. А все равно, драконшу мы прикончили, и потом я тоже не оплошал. А?

Гэндальф задвинул ящик обратно и запер ключом.

– Ключ тоже спрячь подальше. И не забудь мои слова. Не одевай Кольцо. Даже не касайся его. Потому что как коснешься, так и наденешь. Раз, другой, а потом оно не отпустит тебя.

– А почему это не одевать? – недоуменно пожал плечами Бильбо. – Что-то я не очень понимаю.

– Вспомни своего друга Горлума. Что с ним сделало это Кольцо?

– А что такое?

– Он стал чудовищем и его рабом. Ты ведь этого не хочешь?

– Нет!

– Вполне достаточно того, что годы тебя не берут.

– Годы не берут? Опять не понимаю.

– Тебе шестьдесят три, а выглядишь ты моложе чем тогда, когда я тебя впервые увидел.

– Неужели это из-за кольца? Я полагал, что это у меня здоровье такое крепкое, и жизненный дух сильный.

Гэндальф неожиданно рассмеялся:

– Может и так. А все-таки не забывай, малыш, о том, что я тебе сказал.

– Хорошо, не забуду. А знаешь, моя книга...

– Что твоя книга? Да, кстати, как продвигаются твои дела? Ты ведь у нас творец!

Хоббит просто покраснел от удовольствия – столько искреннего любопытства и участия было во всем облике Гэндальфа.

– Ты знаешь, я уже написал сорок страниц! – воскликнул он.

– Замечательно! Просто великолепно. Поздравляю.

– Спасибо.

– Просто рад за тебя. Обязательно почитаю. Сегодня же. Как только ты уснешь.

Бильбо покраснел еще больше.

– Еще раз спасибо. Огромное спасибо.

– И мой подарок, как раз тебе пригодится и понравится.

Гэндальф достал из кармана большое белое перо. Бильбо взял его и увидел, что оно не птичье, а сделано из серебра. От восторга он даже замер.

– Что это?

– Перо. Как раз под стать твоему чернильному набору. Я сам его сделал. Оно никогда не тупится, пишет в десять раз дольше обычного и совершенно не оставляет клякс и не пачкает пальцы. Теперь тебе не надо будет постоянно макать в чернильницу. Два-три раза за вечер.

– Это просто чудо!

– Да, это действительно чудо, сотворенное моими руками. – Гэндальф тоже был очень доволен. Доволен собой и своим подарком. – Думаю, теперь ты сможешь писать в два раза больше.

– Теперь я не только Первое, но и Второе свое путешествие опишу! – Бильбо радовался как ребенок.

– И на Третье силы найдутся, – поддакнул маг.

– Только не это! Никакого третьего путешествия не будет. Я надеюсь.

Спать они легли чуть не под утро. А когда Бильбо проснулся, дело было ко второму завтраку, Гэндальфа уже не было. Только записка осталась лежать на каминной полке.

«Еще раз с Днем Рождения! Долгих лет! И много радостей! Может быть, как-нибудь махнем стариной и отправимся куда-нибудь дальше пяти лиг. Если не дождешься меня, получишь мое письмо. Написанное тобой прочитал. Очень понравилось. Ты большой талант.

Твой друг Гэндальф.

Писано 21 сентября 2953 года по всеобщему летоисчислению, в шесть часов утра в доме почтеннейшего господина Бэггинса в Хоббитауне.

P. S. помни о том, что я тебе говорил. Не надевай его!».

Закончился шестьдесят третий День Рождения Бильбо, и дни полетели один за другим, складываясь в недели, месяцы и годы. Сначала хоббит с тревогой ждал, что вот-вот, как всегда неожиданно, явится старый маг и опять утащит его путешествовать. Но Гэндальф не появлялся год, затем и второй и третий. И даже вестей о себе не подавал. Через пять лет Бильбо уже и не ждал его. Через десять почти забыл. А через двадцать лет ему и вовсе казалось, что все, что с ним было, просто сон какой-то. Или выдумка, сочиненная им самим же в минуты скуки.

Только в ящике письменного стола продолжало лежать колечко. Волшебное колечко.

Глава третья

БАШНИ И ТАЙНЫ МИНАС ТИРИТА

Лето 2976 года по всеобщему летоисчислению выдалось теплым и мягким. Оно уже подходило к концу, но воздух по-прежнему оставался теплым даже по вечерам и после захода солнца. В Минас Тирите, главном городе Гондорского королевства, расположенном на высоком берегу величественного Андуина и закрытого от холодного северо-западного ветра высокой и крутой горой Миндоллуин, готовились к свадьбе. Сын наместника Эктилиона Денетор, которому уже сейчас прочили наместничество, должен был жениться на прекрасной Финдуилас дочери итильского князя Адрахила, из Дол Амрота, человека, в чьих жилах текла также эльфийская кровь. Всем гондорцам было известно, что этот брак усилит границы Гондора на юго-западе, также как все знали, что Денетор очень сильно любит свою невесту, что, как правило, большая редкость в таких обстоятельствах. Так что настроение во всем королевстве, от побережья Белфалласа и до Белых гор, граничащих с Роханом – землей вольных табунщиков, было приподнятым. К тому же на праздник с далекого Ривендейла с приветом и подарками от Элронда и Галадриэль прибыл маг Гэндальф Серый – старинный друг Эктилиона, а его прибытие обещало помимо всего прочего еще и грандиозные фейерверки.

Однако, едва встретившись и крепко обнявшись с Эктилионом и поздравив Денетора с удачным выбором, Гэндальф попросил наместника о дозволении ему посетить Итил Арас – Башню тайн, где хранились старинные свитки и манускрипты. На что он тут же получил согласие.

– Гэндальф, – засмеялся Эктилион, услышав просьбу мага, – твое любопытство не знает границ. Каждый раз, когда ты посещаешь Королевский город, ты уединяешься в одной из семи башен, и никто тебя не видит.

– Нигде древние камни не дышат историей так, как здесь в Минас Тирите, – с улыбкой ответил Гэндальф. – Образы древних эпох и героев, королей и злодеев витают здесь между стен. Кто знает, может, я найду здесь ответы на старые вопросы, ключи к забытым замкам, пути к неизвестным землям?

– Конечно же, все семь хранилищ тайн к твоим услугам, Гэндальф, – сказал Эктилион. – Мы с сыном проводим тебя до Итил Араса.

– Великая честь для меня, – поклонился маг.

Отец и сын повели Гэндальфа к башне Итил Арас, что гордо возвышалась над Королевским городом в западной его части. Наместник выглядел таким же старым и мудрым, как маг. Его седая борода доставала чуть не до колен, и ей бы мог позавидовать даже гном. Густые брови нависали над глазами и почти закрывали их. Однако, несмотря на годы, вся его фигура дышала достоинством и силой. Также могуч и статен был его сын Денетор. Он тоже был высок и строен. Широкие плечи внушали почтение каждому при первой встрече с ним. Лицо его дышало чуть не королевским величием. Да и как могло быть иначе, если он уже решал многие государственные вопросы наравне с отцом. Ему было далеко за сорок, и его женитьбы все уже давно заждались, так как Гондору нужны были наследники благородной крови.

– Твой друг Курунир, которого северяне величают Саруманом, тоже каждый раз посещает тайные башни, – на подступах к башне подхватил разговор, начатый в главном замке Денетор. – Странно, вы оба зовете себя магами, но я ни разу не видел, ни от одного из вас волшебных деяний. Почему так?

Гэндальф пожал плечами:

– Возможно, что молва приписывает нам лишнее.

– Я знаю, что на севере, там, где тебя называют другими именами, магия в большей силе, чем здесь.

– Да это так! – грустно ответил Гэндальф. – И причина этому Мордорский Враг, что все ближе и ближе тянет свои щупальца к Гондору.

– Ты не первый раз говоришь о Враге из Мордора, – сказал Денетор. – Разве Исилдур не разбил его на нашей земле?

– Это так. Но зло неистребимо до конца, если дать ему хоть малейший шанс. И Враг получил этот шанс.

– Неужели тот выскочка, что засел в Барад Дуре и называет себя Сауроном – великий враг?

– В этом я уже почти не сомневаюсь! – горячо ответил Гэндальф. – Разве не его пираты недавно напали на ваши гавани? Разве не великим трудом и жертвами смогли вы одолеть его?

– Да это так! – с горечью ответил Эктилион. – Но флот пиратов прибыл с юга, в то время, как Мордор находится на востоке от Гондора.

– Враг может прийти с любой стороны, – пожал плечами Гэндальф.

Они пришли к Итил Арасу. Башня накрыла их холодной и равнодушной тенью. Ее высокие медные ворота свысока взирали на пришедших. Весь вид ее говорил о том, что она не собирается делиться своими секретами и тайнами. Гэндальф зябко поежился и плотнее закутался в серый плащ, украшенный серебряными рунами.

Эктилион собственноручно открыл ворота и впустил в башню мага и даже поднялся с ним в хранилище, которое было на самом верху. Денетор попросил прощения и позволения удалиться. Надо было следить за свадебными приготовлениями и к встрече с невестой и ее отцом. Гэндальф ничего не сказал, только махнул рукой на доводы Денетора, и не оглядываясь устремился к свиткам и фолиантам, которые горами лежали прямо на деревянных источенных временем полах. Денетор поджал губы и бросил вслед удалившемуся магу:

– Саруман куда более учтив, чем этот Гэндальф – Странник в Сером Плаще. И почему отец так любит его?

Так, недоуменно вопрошая себя, Денетор пошел к главному замку.

– Что ты ищешь в этот раз? – полюбопытствовал Эктилион у Гэндальфа.

– Я еще сам этого не знаю. Ищу все подряд. Незначительный рассказ может оказаться полезным. Мимолетная запись вызовет интерес. Что ты можешь сказать о Священных Итильских палантирах?

– Скажу только то, что они существовали так давно, что неизвестно существовали ли они вообще.

– Они существовали. Семь палантиров. Семь башен Минас Тирита были украшены ими в древние времена, также как во времена Арнора они сверкали на семи башнях Осгилиата – прежней столицы Гондора.

– Сейчас не осталось ни одного.

– Да, они пропали во мраке времени. Канули в неизвестность. Что самое странное.

– А ведь слово палантир означает Видящий из Далека, – мечтательно вздохнул Эктилион. – Еще в детстве отец говорил мне, что былое величие и слава Гондора возродятся, если хотя бы один палантир вернется в Минас Тирит. А главное, вернется король! Единственный главный и настоящий правитель этой земли. И были походы за ними! Славные походы! В одном из них даже принимал участие мой отец Тугрон. Но каждый раз они возвращались с пустыми руками. Увы!

Все это время, пока Эктилион вздыхал о прошлом, Гэндальф пересматривал свитки. Один за другим. Некоторые он брал и тут же откладывал в сторону не разворачивая, другие просматривал мельком, некоторые даже не удосуживал взглядом.

– Семь палантиров, – продолжал Эктилион. – Семь камней хранящих счастье Гондора. Где они? Неужели все канули во мраке времени? Дорого бы я дал, чтобы подержать в руках хотя бы один из них?

– Что ты скажешь, если я поведаю тебе о том, что один из палантиров я держал вот в этих руках? – вдруг спросил наместника Гэндальф. При этом маг даже глазом не повел и не повернул головы в сторону собеседника.

– Я скажу, что этого не может быть! – воскликнул Эктилион.

– А тем не менее это так! Эмон Сул – Вершина Ветров, похищенный из Белой башни драконами был в моих руках совсем недавно.

– Эмон Сул? Но ведь этот палантир погиб вместе с Арведунум последним королем Гондора, когда тот попал в кораблекрушение. Это было еще во вторую эпоху. Я сам читал об этом в одной из Гондорских хроник.

– Нет, те хроники ошибаются. Арведун оставил палантиры Эмон Сул и Ануминас в Белой башне и драконы похитили один из них. Так гласит другая хроника. И теперь ясно, что права была она. Ведь я добрался до него.

– Я верю, что так оно и было! Ты видел палантир. И что ты сделал с ним? Почему не доставил в Минас Тирит?

– К сожалению это было невозможно. После похищения драконы сделали его тотемом своего рода. Да-да, не удивляйся, они сделали его вместилищем своего духа и единого сердца, после чего спрятали его в глазном яблоке убитого дракона, так Эмон Сул превратился в Око Дракона. Палантиры могут служить не только свету, но и тьме. Чтобы потомки Смога не вернулись в наш мир, я убил этот черный палантир. Никому в Средиземье он не принес бы счастья. Только горе и страдание. К тому же Саурон тоже желал овладеть им, и если бы овладел, давно бы мы все были у него в рабстве, а в окружающем нас мире слышалась бы только черная речь.

Гэндальф продолжал просматривать бумаги. Вековая пыль облаком витала вокруг него. Принесенные с собой факелы едва горели и не в силах были рассеять сырой мрак. Зато от посоха мага исходили яркие голубые лучи, и в них все можно было рассмотреть. Эктилион вдруг почувствовал, как трудно ему стало дышать.

– А Ануминас-Душевный Дар? Куда делся он? Или Осгилиат-Сердце Мира? Может, ты знаешь что-либо о них?

– Осгилиат пропал в водах Андуина.

– Это я знаю.

– Но ты не знаешь, кому он достался после этого!

– Кому?

– Королеве Мертвых болот.

– Не может быть!

– Это так! Осгилиат находился у нее столько же лет, сколько Эмон Сул у драконов. Он растаял, словно кусок льда, после того, как ушел из плена.

– Ты тоже держал его в руках?

– Увы! Эта честь выпала не мне, а Саруману. – Говоря это, Гэндальф впервые поднял голову и посмотрел на Эктилиона. В лице у него на мгновение появилось выражение горечи. – Остался только Ануминас. Только о нем ничего не известно.

– Есть надежда найти его?

– Надежда всегда есть. Еще полсотни лет назад никто бы не вспомнил про палантиры, но недавно про них прошел слух, и они один за другим стали появляться из небытия. Сейчас очередь Ануминаса дать о себе весточку.

– Тогда я желаю тебе удачи, Гэндальф! – воскликнул наместник.

– Спасибо, Эктилион. Я всегда знал, что ты великий правитель и твоя забота о людях искренна.

– Твоя похвала великая честь для меня.

– Только не говори никому, что я ищу. У Врага повсюду есть уши.

– А что же мне говорить?

– Мало ли у Гондора других секретов? Например, чаша из Белого древа. Она ведь тоже была потеряна. Кстати, в одно время с Анумином.

– Я знаю про нее, – мечтательно произнес Эктилион. – Чаша жизни. Она будет, пожалуй, дороже палантира. Ведь ее своими руками сделал Анарион – Король Основатель. Тот, кто вернет ее, вернет Гондору славу и непобедимость.

– Вот ее я и буду искать, – кивнул головой Гэндальф и усмехнулся. – Хотя в ее существовании у меня куда больше сомнений. Слишком красивая это легенда. Но все равно, если спросят, можешь рассказать про чашу. А про палантир, пожалуйста, молчи.

– Да будет так!

Сказав это, Эктилион покинул башню и спустился в город. Наместник вышел на улицу и с облегчением вдохнул прохладный вечерный воздух. Взгляд его устремился в розовое от заката небо. Серые облака клочками висели над городом и не двигались с места, словно застыли навечно. Стены, окружавшие город со всех сторон были столь высоки, что солнечные лучи уже не проникали внутрь, и улицы Минас Тирита были окутаны в плотную тень, и факельщики трудились во всю, зажигая фонари. В честь праздника городским советом было решено увеличить количество огней в городе в девять раз. Увидев наместника, они с радостной почтительностью поклонились ему. Эктилион улыбаясь, выслушал поздравления в свой адрес. В это самое мгновение стоящий на холме главный замок с высокими стеклянными окнами вдруг засверкал солнечными зайчиками, пустив их в город, в котором на короткое время вдруг снова стало светло. От бывшего в лицо солнечного золота Эктилион даже зажмурился. Но настроение его вдруг стало улучшаться. Подарок небес наместник воспринял, как хорошее предзнаменование.

На следующий день он отправился в башню к Гэндальфу.

– Как твои успехи? – спросил он, входя к магу.

По хмурому лицу Гэндальфа Эктилион понял, что пока ничего утешительного он не услышит.

– Жаль, – вздохнул наместник. – Может, я помогу тебе?

– Не вижу необходимости, – буркнул в ответ Гэндальф. – Хотя, впрочем, если желаешь, почему бы и нет?

Эктилион с жаром принялся просматривать свитки, которые лежали с правой стороны от мага. Тот еще не просмотрел их. Однако уже через десять манускриптов наместник почувствовал, как у него слезятся глаза, щиплет в носу, и абсолютно нет никакого желания продолжать столь тягостную работу. К тому же за те полчаса, что он находился здесь, Гэндальф обработал свитков раз в восемь больше, чем Эктилион.

– От меня нет никакого проку, – вздохнул наместник.

И все же он просидел вместе с Гэндальфом до вечера и вышел из башни в полутьме заката. Его встретил недовольный Денетор.

– Может быть ты забыл, что я женюсь? – спросил он отца.

– Я ничего не забыл, – ответил Эктилион.

– Или для тебя важнее заниматься глупостями? – Денетор уже знал, что маг Гэндальф ищет сведения о легендарной Чаше Белого древа.

– Как ты можешь говорить такое, Денетор? – поразился Эктилион. – Чаша Анариона может вернуть былое величие и могущество Гондора! Разве это не важно?

– Конечно, важно, – усмехнулся в бороду Денетор. – Но разве союз с Адрахилом менее важен? Дол Амрот может выставить три тысячи воинов, если нам потребуется. Вот реальность! А чаша это такое же облако, которое ты видишь в небе. Попробуй, достань его. Не достанешь! Ты прожил такую долгую жизнь, а все еще веришь в Возвращение Короля. Смешно.

Эктилион замахал на сына руками:

– Ты прав, Денетор. Конечно, прав. Я слишком увлекся. Гэндальф сбил меня с толку.

– Гэндальф всегда сбивает тебя с толку. У него даже дома нет. Серый странник. Эльф с посохом. Попросту бродяга. Не доверяю я ему.

– Почему?

– Потому что у меня не выходит из головы его прежнее имя. Это сейчас он Гэндальф. А когда-то, когда даже ты, мой отец, еще был ребенком, гондорцы называли его Инканусом, что означает «Шпион с севера». Мне это доподлинно известно. Кому даются такие имена? Вот почему мне больше по сердцу Саруман Белый из Изенгарда.

– Оставим спор, Денетор.

– Ты прав, отец. Прости меня, если мои слова показались тебе недостаточно почтительными. Я нервничаю. Завтра Адрахил и Финдуилас въедут в Минас Тирит. Я волнуюсь, что не пристало воину и будущему правителю.

– Не переживай. Церемония пройдет удачно.

На следующее утро Эктилион позвал слуг. Он хотел быстро сходить в башню к Гэндальфу. Все-таки любопытство сжигало его. Но у выхода дорогу ему преградил Денетор.

– Отец! Через три часа встреча! – В голосе его был слышен упрек.

– Я хотел только...

– После! После свадьбы я сам отведу тебя под руку к этому магу, и можешь поселиться там навечно с летучими мышами, пауками и крысами. Но только, прошу тебя, не сейчас. К тому же я послал к магу людей с приглашением на официальную встречу невесты и моего будущего тестя. Так что ты встретишься с ним через два часа. А теперь, прошу, смени свою скромную одежду на парадный наряд.

Эктилион вздохнул. Его сын был прав. Он вел себя не так, как это подобает наместнику государя Гондора. Просто проснувшаяся вдруг надежда найти Чашу Белого древа вскружила ему голову.

И не ему одному. Слухи о том, что маг Гэндальф ищет следы Чаши Анариона, с быстротой птичьего полета распространился по Минас Тириту. Горожане и гости бурно обсуждали возможность отыскать Чашу, и даже свадьба Денетора отошла в разговорах на второй план. Правда разговоры эти тоже быстро угасли, а когда герольды на главных воротах Минас Тирита протрубили о том, что в Королевский город пожаловал почетный гость, и вовсе сошли на нет.

Князь Адрахил и его дочь прекрасная Финдуилас прибыли в Минас Тирит, и над городом взвились черные флаги Гондора с белым древом посередине и алые флаги Дол Амрота, великого княжества, которое с сегодняшнего дня вступает в родственную связь с Гондором и становится его частью.

Толпы горожан встречали князя и его дочь. Вся дорога от главных ворот до главного замка была усыпана цветами. Гвардейцы в парадных костюмах стояли по всему пути и приветствовали гостей салютом. Когда княжеская кавалькада миновала главные городские ворота, над улицами Минас Тирита раздались приветственные крики гондорцев, которые тут же были заглушены грохотом фейерверка. В девственно синем небе рассыпались алые и белые цветки салютов. Горожане закричали еще радостнее. И трудно было сказать, чему они радовались больше, приезду дорогого гостя или же великолепному зрелищу, которое устроил для них маг Гэндальф.

Эктилион, который со всей свитой и многочисленными гостями из соседних и дальних государств, среди которых были не только люди, но и эльфы из Лориэна и Зеленого леса и даже двое гномов из Дейла, стоял на парадных ступенях главного замка, засмотрелся на фейерверк словно мальчишка. И с лица его не сходила счастливая улыбка, пока Денетор, стоявший рядом не прошептал ему:

– Я три раза посылал к Гэндальфу гонцов, и три раза он проигнорировал мое приглашение, отец. Его нет среди нас, твоего друга. Он не посчитал возможным почтить меня и мою будущую супругу своим присутствием. Старые прогнившие пергаменты для него важнее всего. Важнее учтивости! Что ты об этом скажешь?

– Зато, какое зрелище он устроил для нас! Разве этот подарок не искупает его чудаковатую неучтивость?

– Ох уж мне эти старческие чудачества! – проворчал в бороду Денетор.

Однако он недолго сердился. Вскоре улыбка вновь заиграла на его лице, потому что он увидел, как к нему приближаются два всадника на белых ристанийских жеребцах.

– Финдуилас! – воскликнул Денетор и поспешил навстречу своей невесте и ее отцу.

Многие гондорцы были удивлены такому поведению всегда сдержанного и сурового Денетора. Так это было на него непохоже.

Не достигнув полсотни шагов до свиты наместника, князь Адрахил остановил коня и спешился, после чего помог покинуть седло красавице дочке, взял ее за руку и повел к Денетору.

У Финдуилас были золотые, как у эльфа волосы, украшенные крупным рубином. Лицо украшали черные брови в разлет, большие темно-карие глаза. Принцесса была одета в алое, под стать княжескому знамени, платье. На ногах у нее такие же туфельки. Она действительно была прекрасна, только почему-то грусть не сходила с ее чела, и за все время, что гондорцы видели ее в Минас Тирите, она ни разу не улыбнулась. Злые языки даже утверждали, что княжна влюблена в какого-то странствующего эльфа, с которым даже пыталась уйти из дома, но была поймана и заперта отцом в замке, и только после этого Адрахил согласился отдать ее за Денетора. А впрочем, все это были только непроверенные слухи.

Под громогласное «Слався Гондор!!!» Денетор встретился с Финдуилас, и князь Адрахил передал ему руку своей дочери.

В это самое мгновение Гэндальф развернул древний свиток, только что вынутый из старинной серебряной шкатулки и завязанный толстым шнурком. Маг прочитал первые строки и руки его дрогнули, чуть не выронив пергамент. Руны предначальной эпохи сверкали серебряным огнем на потемневшей от времени бумаге. Тихим шепотом Гэндальф стал произносить давно забытые слова, складывая их в строчки, и чем дальше он читал, тем большее волнение охватывало его.

Вот какой заголовок был в найденном свитке:

«Эрейнион, сын Фингона, обращается к тебе, Элендил Высокий, сын Амандила!»

– Эрейнион, – прошептал Гэндальф, – Потомок Королей, последний верховный король эльфов нолдоров. Нынче его помнят под именем Гил Гэлад. В мире не осталось пергамента, на котором бы была его рука. Бесценная находка. Что там дальше?

Однако дальнейшие строчки были стерты временем и лишь в центре свитка были полные строки. Именно они и заинтересовали и взволновали Гэндальфа больше всего.

«...прибыл ко мне гном Нарви, посланный Келебримбором, перед его гибелью. Передал мне Три Кольца, последние свои творения. С ними палантиры Феанора. Сказал, что в них тайна. Тайна открылась, и Феаноровы палантиры украсили башни Арнора, да только Камень Магов утрачен, и

Кольца без него бессильны, хотя и способны преобразить в свет тьму, слепого сделать зрячим. А жаль. Теперь придется одолевать Врага своими силами... прибуди и ты к месту сбора...»

– Придется одолевать Врага своими силами, – повторил Гэндальф и задумался.

Он думал долго, положив подбородок на кулак. Несколько раз перечитал свиток, затем опять погружался в размышления, забыв о времени и обо всем остальном, что происходило за пределами башни.

– Пожалуй, загадок стало еще больше, – наконец сказал он, – а мозаика еще более запутанной. Я узнал так много нового, и в то же время все по-прежнему осталось сокрытым за туманом тайн палантиров. Последний палантир, где же ты? Кто мне поможет тебя отыскать? Кольцо эльфов? – Гэндальф оживился. – Почему бы нет? Разве здесь не сказано, что тьму способны в свет, преобразить они, слепого сделать зрячим? Ну да! Тому, кто хочет знать, куда ему идти, покажут путь. Так что ж я медлю?

Гэндальф вдруг повернул что-то на указательном пальце левой руки, и тут же открывшись его взору, вспыхнул на нем закатным солнечным светом крупный рубин, вправленный в невиданной красоты золотое кольцо.

– О, Нарья, Красное кольцо перворожденных! Тебя мне подарил Сирдан. Так сослужи мне службу. Тебя впервые об этом я прошу. Твой час настал! – на языке древних эльфов воскликнул Гэндальф. – Покажи мне мой путь! Где спрятано то, что я ищу?

Свет рубина, рассеянный и яркий, несколько ослабел, затем сошелся в единый луч, и луч этот улетел в самый темный угол башни, где не было книг или свитков, лишь темнели серые плиты стены. Одна из плит вдруг вспыхнула рубиновым светом, когда в нее уперся рубиновый луч эльфийского кольца. Гэндальф единым порывом преодолел разделяющее его со стеной расстояние и коснулся светящейся плиты, и сразу же почувствовал, как она дрогнула под его руками. Маг осторожно вынул плиту и за ней обнаружил тайник. Тяжелая железная шкатулка лежала в нем, и когда, вынув ее, Гэндальф прочитал отпирающее замки заклинание, и открыл ее, то целый ворох столь же древних свитков, что и письмо Гил Гэлада, предстал его глазам. Только руны в них сверкали не серебром, как в свитке Потомка королей, а черными, словно уголь, корявыми знаками и символами. Задрожав от охватившего его волнения, Гэндальф впился в них глазами и стал с жадностью читать и изучать найденные бумаги. Через какое-то время один из свитков сильно заинтересовал его...

Глава четвертая СВАДЬБА ДЕНЕТОРА

Вечером перед свадебным ужином, когда все длительные и сложные свадебные церемонии были закончены, над Минас Тиритом вновь разорвались разноцветные огненные цветы. Темно-фиолетовое южное небо ярко осветилось одновременно в семи местах. Салют продолжался почти час, и горожане и гости столицы с упоением взирали в небо сверкающие фигуры драконов, единорогов, саламандр и тритонов. Гулко отдаваясь эхом, гремели залпы.

– Да здравствуют молодые! – кричали гондорцы с каждым таким залпом. – Да здравствуют Денетор и Финдуилас! Да одарит их небо многочисленными детьми, и дождутся они внуков и правнуков! Пусть не постигнут их несчастья на жизненном пути! Да здравствует отец жениха! Да здравствует Эктилион! Да пусть живет долго отец невесты славный князь Адрахил!

Иногда вспоминали и Гэндальфа. Не будь мага, гондорцам никогда бы не наслаждаться столь удивительным зрелищем. Последний раз они видели такое лет пятьдесят назад, не меньше. И зрители фейерверка, вовсе не только дети, были несказанно счастливы. У многих из них даже головы заболели от долгого задирания их наверх.

Самого же Гэндальфа не было весь день. Не появился он и вечером, салют гремел помимо его участия, словно сам собой. И даже за пиршественным столом, когда после фейерверка все пятьсот приглашенных почетных гостей заняли свои места, его кресло оставалось пустым.

– Ты видишь? – тихо спросил Денетор Эктилиона. Глаза его сверкали от гнева. – Я прикажу отдать это место кому-нибудь другому!

Наместник положил руку на плечо сыну:

– Успокойся! Ведь ничего не произошло. Гэндальф придет. Обязательно придет, и ты не будешь разочарован.

И свадебный пир пошел своим чередом. Он был невероятно пышным, как и все в Минас Тирите. Столы ломились от яств и напитков, слуги беспрестанно меняли блюда, музыканты услаждали слух пирующих веселой и торжественной музыкой. Все скучное и обязательное было сделано днем, а теперь все просто веселились и отдыхали, не забывая поздравлять жениха и невесту и провозглашать в их честь заздравные тосты. Гости соревновались между собой в пожеланиях молодым и роскошью и изобретательностью своих подарков. А подаркам не было числа – дорогая мебель, изысканные ткани и платья от послов соседних стран, от князей и рыцарей, от купеческих гильдий и ремесленных цехов, украшения и драгоценности от богатейших ювелиров Гондора, хотя их изделия сразу померкли, когда гости из Дейла братья гномы Балин и Двалин преподнесли молодым алмазы из Под Горы. Все так и ахнули увидев сверкающие камни, лежащие на блюде из черной меди. Семь разноцветных бриллиантов, каждый из которых был размером с детский кулак. Гномы поклонились до пола молодым, так что бороды их коснулись их сапогов, и спели свадебную песню гномов.

Еще больше поразили эльфы. Их подарки были удивительны. Музыкальные инструменты, способные играть без помощи музыкантов, вечно цветущие цветы в хрустальных вазах, поющие птицы, которым не нужны клетки. О таких дарах могут мечтать только короли.

Все веселились и радовались. Только Финдуилас оставалась по прежнему печальной, и когда Денетор смотрел на нее, то его сердце тоже наполнялось тревогой.

– Почему ты грустна, Финдуилас? – тихо спросил ее Эктилион. – Почему не радуешься вместе со всеми?

Финдуилас улыбнулась. Видно было, что сделала она это через силу.

– Я тоскую по оставленному навек отцовскому дому, – сказала она. – Дол Адрил, замок, в котором я выросла, утопает в зеленых деревьях. На высоких тополях и кудрявых вязах день и ночь поют птицы. С одной стороны от дома убегают вдаль виноградники и поля пшеницы, с другой стороны безбрежное море ласкает взор. Здесь же в Минас Тирите я вижу только высокие каменные дома, высокие неприступные стены, за которыми не видно неба и солнца. Даже земля покрыта камнями, и сквозь них не растут цветы. Холод веет от этих камней.

– В твоём дворце будет чудесный сад, – сказал Эктилион. – В нём тоже поют птицы. А вместо морских волн твой слух будут ласкать фонтаны.

Ещё большая тоска накатилась на чело Финдуилас.

– Оставь её, отец, – вмешался Денетор. – Печаль её исчезнет, когда она поймет все величие Минас Тирита и ту роль, которая будет возложена на неё.

Финдуилас ничего не ответила.

– Сейчас мы повеселим тебя песней, – сказал Эктилион. – Эй, Торонгил! Друг мой! А не пора ли нам услышать твой голос? Никто не поет так, как ты. Сделай подарок моему сыну и невестке. Прошу тебя.

Слова наместника были обращены к красивому черноволосому воину. На вид ему можно было дать лет двадцать, не больше. Однако все знали, что Торонгилу Северянину куда больше лет, чем кажется. И гондорцы знали его больше как воина, нежели певца. Ровно год назад именно он возглавил гвардию короля и разгромил пиратский флот, который вошел в залив Белфаллас и попытался высадить крупный десант. Подобной ошеломляющей победы Гондор давно не одерживал. Из ста пиратских кораблей девяносто были сожжены или потоплены. Ни один пират так и не ступил на гондорскую землю. Тысячи их были пленены, затем клеймены и отправлены в серебрянные рудники Белых гор, из которых нет выхода, и избавление от каторги дает только смерть. Жалкие остатки пиратского воинства в ужасе бежали прочь, и больше уже пираты не оправились от такого удара.

Торонгила в Минас Тирите ожидали награды и почести и любовь горожан. Но он почему-то не вернулся в столицу, а бесследно скрылся и даже не известил об этом, чем глубоко оскорбил Денетора.

– Станный советник у тебя, – сказал он тогда отцу. – Пришел в скромной одежде охотника и с величественным как у короля лицом. Пять лет ты ставил его на одну доску со мной, слушая все его советы и выполняя их, как до этого пять лет слушал его ристанийский царь Тенгел Золотое Солнце. И вот как он тебя отблагодарил. Ушел и даже не попрощался.

– Он слишком скромен и благороден, – возразил на это Эктилион. – Недаром наши люди прозвали его Торонгилом – Звездным Орлом. Он выше пустого тщеславия. Ему не нужен восторг толпы и венки из роз. Он служит не мне или тебе, а Гондору. Таким и подобает быть истинному государственному мужу.

И вот неожиданно для всех Торонгил вернулся в Минас Тирит. Пришел пешком вместе с Гэндальфом. Пришел и, как ни в чем ни бывало, занял свое место рядом с Эктилионом, по левую его руку. И никто не возразил на это. Наместник же сказал ему:

– Рад тебя видеть, Торонгил.

Как будто они расстались только вчера.

Теперь, когда его попросили спеть, Торонгил поднялся и вышел в центр зала, чтобы все могли видеть и слышать его. Он не сделал ни одного движения, которое бы призывало к вниманию, а тем не менее все взоры устремились на него и замолкли разговоры. Музыканты ударили по струнам, и Торонгил запел:

Город, что возвел Анарион,
У подножия горы Миндоллуин,

Он напомнил мне прекрасный сон.
Тихо катит воды Андуин.

Семь высоких стройных белых башен,
Столько же несокрушимых стен,
До чего же город этот красен!
Не коснись его забвенья тлен.

Минас Тирит – гондорское сердце!
И хранит его небесный Хеллуин.
Яркая звезда он Средиземья.
Тихо катит воды Андуин.

Так же вечен будет гордый Гондор,
Как Златое древо Лорелин,
Будет он сверкать над нашим миром,
Кровью его будет Андуин.

Когда Торонгил умолк, долго никто не мог произнести ни слова. Все были под впечатлением песни. А потом раздались восторженные аплодисменты. Эктилион стер с лица слезы и обнял подошедшего к нему Торонгила.

– Не знаю, что мне дороже, твоя преданность, твое воинское искусство, или твой золотой голос, – сказал наместник. – Ты поешь так же сладко, как эльф, но в твоём голосе сила, которая может повести в бой и победить любого врага.

– Не понимаю, как может чужак с севера так воспеть Гондор, – пожимая плечами, проворчал Денетор. Глаза его смотрели на Торонгила так пристально, словно хотели проникнуть в его нутро и разглядеть, что у певца на душе.

Слушатели долго еще находились под впечатлением песни Торонгила. Всех охватило восторженное состояние. Мужчины наполнили кубки вином и выпили за процветание Гондора, его возрождение и за Возвращение Короля.

И тут появился Гэндальф. Никто не видел, как он вошел и как добрался до своего места рядом с Торонгилем. Просто все обратили на него внимание, когда он уже сидел в кресле и поднимал кубок вместе со всеми. Но все заметили, как он возбужден и взволнован. А ведь никто и никогда не видел мага таким.

– А вот и Гэндальф! – громко объявил Эктилион. – Почему тебя так долго не было, маг? – В голосе наместника прозвучал мягкий упрек. – Ты пропустил все церемонии. Даже фейерверк прошел без тебя. Разве так можно?

– Да простят мне славный Денетор и его прекрасная супруга Финдуилас. Нет мне оправдания. – Гэндальф встал и низко поклонился молодоженам.

– Эй, маг, каков будет твой подарок жениху и невесте? – с любопытством закричали со всех сторон. Все знали, что нет ничего интереснее, чем дары магов. – Или кроме небесных огней тебе нечем похвастаться на этом пиру?

Гэндальф встал:

– Почему же? У меня есть что подарить Денетору и его супруге Финдуилас и всему Гондору.

– И что же ты даришь? – раздались нетерпеливые голоса. – Говори быстрее!

– Мой подарок находится далеко, друзья мои! – торжественным голосом сказал Гэндальф. Так значительно он это сделал, что раздавшиеся было насмешки, тут же затихли. – И нашел я его только сегодня. Точнее полчаса назад.

И маг достал из рукава своей серой хламиды старый, потемневший от времени свиток пергамента.

Эктилион в волнении поднялся с места.

– Ты нашел ее Гэндальф? – воскликнул он. – Ты нашел Чашу Анариона? Или ты обнаружил... – Эктилион хотел прибавить «Ануминас», но вовремя прикусил язык, встретив предупреждающий взгляд Гэндальфа.

И многие гондорцы туже встали с мест и потянулись к магу. На лицах у всех появилось волнение. Только Денетор остался беспристрастен.

Гэндальф поднял руку со свитком, показывая его присутствующим.

– Да, мои поиски увенчались успехом, уважаемые жители Минас Тирита. Когда, уже казалось, все мои старания потеряли смысл, в руки мои попал невесть как сохранившийся дневник королевы Берутиэль.

Многие ахнули. Раздались испуганные возгласы:

– Королева Берутиэль! Черная королева! Злая колдунья!

– Да, именно так, – согласился Гэндальф. – Супруга Тараннона Фаластура, двенадцатого короля Гондора, которую изгнали за серые и мрачные чары, что она наложила на страну много много лет назад.

– Что это за история? – спросил гном Двалин у своего брата Балина.

Балин пожал плечами:

– Понятия не имею. Никогда не был силен в истории. Про нас гномов я еще кое-что помню, а вот про Гондорцев мне известно только то, что я у них в гостях.

Но не только гномы не знали историю королевы Бюрютиэль. Многие гондорцы также были в неведении. И тоже спрашивали, что за королева такая была Бюрютиэль.

– Позвать архивариуса! – сказал Эктилион.

Но архивариус и знаток геральдики королевств Средиземья господин Менетор присутствовал на пиру. Услышав, о чем идет речь, он сразу вышел в центр зала.

– Берутиэль, королева Гондора была супругой двенадцатого короля Тараннора, – начал он несколько монотонным голосом. – Так гласит «Хроника Королей». Добавлю, что это одна из самых мрачных страниц нашей славной истории. Хотя никаких особых злодейств она, к счастью, свершить не успела. Но страна была на грани... да! Став женой короля, она любовными и пуще всего колдовскими чарами добилась от короля всей полноты власти, которая не должна быть свойственна женщине. И правила она страной наравне с мужем, с каждым годом прибирая к своим рукам все больше и больше власти, пока не стала полноправной правительницей. Король же от дел был почти отстранен и только присутствовал на Советах и приемах. В свободное от этого время он занимался тем, что строил корабли и плавал на них вдоль побережья. От того его и прозвали Фаластур, что значит Властитель берегов. Многих такое положение дел не устраивало, и они роптали.

А королева Берутиэль жила, не на побережье, а в Оспиляте, потому что ненавидела звуки и запахи моря. Также она не любила все сделанное руками и не терпела ярких цветов и изысканных украшений. Носила только черное с серебром и жила не в обставленных комнатах, а в бесплодных садах, вокруг ее дома, в густой тени тисов и кипарисов, стояли мраморные изваяния людей, полные страдания и отчаяния.

У нее было десять огромных кошек, которых она привезла с собой еще не будучи королевой, а всего лишь невестой Тараннона. Девять кошек были черными, как сама ночь, одна белая, словно снег на горных вершинах – ее рабыни. Когда гондорцы стали проявлять недовольство тем, что они подчиняются женщине, встревоженная королева стала по ночам посылать черных кошек на улицы. Кошки крались в ночном мраке, заглядывали в окна домов, подслушивали и выискивали недовольных. А белая кошка следила за черными, чтобы они рьяно выполняли долг. Она била и мучила их, когда они плохо выполняли свою службу.

Никто в Гондоре не смел коснуться этих кошек; все боялись их, и возносили проклятия, когда кошки проходили мимо. Таким образом, королеве стали известны все, кто был против нее, а таких было немало. И тогда она отдала приказ своим мерзким созданиям Моргота убивать наиболее опасных для нее граждан Гондора. И в Гондор пришел страх и ужас. Противников королевы стали находить растерзанных или с прокушенным горлом. И число таких жертв с каждым днем множилось. Целый год люди жили в постоянном страхе. Никто не мог быть уверенным в своей безопасности. А люди продолжали погибать. Недовольство королевой увеличивалось еще больше, пока не перешло в восстание.

Гондорцы толпой пришли к Тараннону и потребовали, чтобы он убил свою жену и ее ужасных кошек.

Но Тараннон горячо любил свою красавицу жену и не согласился убить ее. Чары королевы крепко держали его. Он лишь согласился изгнать ее. Королеву отвели на корабль, который для нее собственными руками срубил король, ее муж. На корабле не было ни капитана, ни матросов. Ее кошки тоже были с ней, и люди боялись подходить к ним. Кошки тоже вошли на корабль вместе с королевой. Король лично обрубил канат, который держал корабль на пристани, и волны понесли его в безбрежную морскую даль. Суровый северный ветер тут же надул паруса, и корабль помчался по высоким волнам. Гордо стояла королева Бюрутиэль около большого паруса и смотрела вперед. На Гондор она больше не оглядывалась. Десять ее кошек разбрелись по всему кораблю. Кто залез на мачту, кто на нос, кто ушел на корму. Они жалобно смотрели на отдаляющуюся землю и громко и мерзко орали. Холодный страх пронизывал сердца тех, кто это слышал. К вечеру корабль пропал из виду, и больше его никто и никогда не видел. С тех пор о королеве Берутиэль не было слышно ни слова. А король Тараннон нашел себе новую жену. Правда царствовал он после этого совсем немного. Вот и вся история.

Архивариус Менетор погладил седую голову, поправил съехавшую набок квадратную шапочку и сел на место. Все взоры опять обратились на Гэндальфа.

– Да, это дневник той самой королевы, про которую нам поведал многоуважаемый Менетор. И из него я узнал, что считавшаяся утерянной Чаша Анариона, сделанная им из Белого древа, хранилась в ее опочивальне.

В зале поднялся невообразимый шум. Все бурно обсуждали услышанное.

– Но ведь королева Берутиэль исчезла, и никто не знает, где она, – раздался громкий и спокойный голос. – Что ты скажешь на это, Гэндальф?

Все посмотрели на Денетора, потому что слова были сказаны им. Денетор же смотрел на мага.

– Я знаю, где королева Берутиэль, – спокойно сказал Гэндальф.

Все опять ахнули. Маг пригубил из кубка и продолжил:

– Лет двадцать назад я повстречался с двухглавым Макромантом – горным королем.

– Двуглавы, жившие в Голубых горах, давным-давно умерли, – пояснил Менетор. – Во время Великой чумы.

– Один умудрился остаться живым, – спокойно возразил Гэндальф. – И он сказал мне, что на западе за горами, где он жил, там, где Темные Эльфы ведут бесконечную войну с Диким народом, когда-то в древние времена прибыл корабль.

– Эта земля, – опять перебил мага архивариус, – называется Забытый Запад.

– С корабля сошла прекрасная женщина. Ее сопровождали десять кошек. Девять черных и одна белая. Женщина сказала, что она живет на Невидимых Островах

– Мы называем эти острова Зачарованными, – пробормотал Менетор, – потому что одни мореплаватели видели их, когда плавали там, другие же утверждают, что там нет никаких островов. Правда мало кто доплывал туда, и еще меньше тех, кто возвращался.

– И женщина встала на сторону Дикого народа против Темных эльфов. А дикие люди стали еще более дикими, потому что по ночам они стали превращаться в огромных котов, и в таком виде нападали на Темных эльфов. Вот почему, прошли тысячи лет, а Темные эльфы до сих пор не могут справиться с Диким народом. Вот что рассказал Макромант.

В пиршественном зале повисла тишина. Даже музыканты прекратили играть. Затем поднялся Денетор и спросил:

– Ты хочешь сказать, Гэндальф, что Чаша Белого древа находится на Забытом западе?

– Я предполагаю это, – тихо ответил Гэндальф.

– И ты хочешь, чтобы я отправился туда на ее поиски? Искать Зачарованные острова?

– Нет. Ты слишком значимый человек для Гондора, чтобы оставить его. Кто будет помогать твоему отцу? Да и пристало ли покидать молодую жену сразу после свадьбы? Не много ли причин?

– Я слушаю тебя.

– Чаша из Белого древа, это мой дар тебе и Финдуилас и всему Гондору, – громко сказал маг. – Значит, я и отправлюсь на ее поиски.

Слова эти прозвучали гордо и властно, и эхо разнесло их по всему Минас Тириту.

– Когда? – хором спросили Эктилион и Денетор и еще несколько гондорцев.

– Так скоро, как это возможно.

Тут поднялся со своего места Торонгил.

– Ты задумал великий и опасный поход, – обратился он к Гэндальфу. – Вряд ли можно осилить столь сложную задачу в одиночестве. Я буду тебе плохим другом, если отпущу тебя одного. Поэтому я отправляюсь с тобой. Так что принимай мой меч на службу. Да подарит нам небо удачу!

Торонгил подошел к Гэндальфу и положил перед ним свой меч в скромных кожаных ножнах. Тут же еще один гондорский витязь присоединился к Торонгилу.

– Я Феномир из Осгилиата тоже отправляюсь с вами! – сказал он также протягивая магу меч.

Это был словно сигнал остальным. Один за другим гондорцы самые смелые и отчаянные воины из Гвардии Короля стали подходить к Гэндальфу и называть свои имена и класть перед ним оружие.

Заиграла торжественная музыка. Не праздничная свадебная песня, а боевая баллада загремела над пиршественными столами. С ней на устах из века в век отправлялись гондорцы на поле битвы и шли в сражение.

Людей охватило волнение, и все новые добровольцы подходили к Гэндальфу, и гора оружия росла перед ним, и были в ней мечи, кинжалы, булавы и топоры. Про свадьбу все забыли. Жених и невеста одиноко сидели на своих местах. Их словно не замечали. Даже Эктилион был рядом с Гэндальфом, и хлопал по плечу и обнимал очередного добровольца, вспоминая его достоинства. Задорное боевое веселье царило вокруг.

– Скажи, Гэндальф, – шепотом обратился наместник к магу, – а сведения про Ануминас ты не принес?

– Скажу тебе, Эктилион, что палантир, о котором ты спрашиваешь, – также шепотом ответил Гэндальф, – по некоторым другим обрывочным сведениям, хранился в Чаше Анариона. Вот я и собираюсь проверить это. Но ты, молчи. Мои слова, сказанные недавно, остаются в силе.

Лицо Эктилиона осветилось радостью и восторгом. Он даже не заметил, как к нему и Гэндальфу подошел Денетор, который услышал, что они говорили. Не заметил его и Гэндальф.

Маг тоже был весел и радостен. Глаза его сверкали решимостью. Он гордо выпрямился, рука его решительно и властно чуть не по королевски сжимала посох. Никто в данный момент не решился бы назвать его старцем.

– Эй, Гэндальф! – окликнули мага. – Внеси и нас в свой список!

Так как Гэндальф был окружен возбужденными воинами, то прямо по длинному уставленному яствами и сосудами с вином столу, громко и тяжело топая, к нему шли гномы. Здоровенная секира одного и короткий меч другого с очень широким лезвием со звоном упали на уже собранное оружие.

– Балин! – воскликнул Гэндальф. – Двалин! Решили примкнуть к нашей компании?

– Да, – ответил Балин, – захотелось потряхнуть стариной.

– Спокойная жизнь нам приелась, – добавил Двалин. – Руки чешутся от желания позвонить сталью. Клянусь своей бородой!

Гэндальф рассмеялся:

– Вот уж не думал, что вы стали гномами шлемоломами!

– Бывает, что и гномы женятся! – хохотнул в ответ Балин.

– Что ж, гномы отличные вояки! Я рад, что вы идете с нами.

В итоге, вместе с гномами и самим магом, набралось шестьдесят девять искателей Чаши.

– Ну вот, – сказал сам себе Гэндальф. – Осталось прибавить еще одного, и будет семьдесят. Самое лучшее число для подобного предприятия.

– Хочешь, я позову кого-нибудь из моих родственников? – спросил его Двалин, который услышал, что сказал маг.

– Кто из твоих родственников приносит удачу? – усмехнулся маг. – Потому что славных воинов у нас хоть отбавляй. Теперь нам нужен талисман на счастье и успех нашего предприятия. Есть у тебя такие на примете?

– Пожалуй, мне такой неизвестен.

– Вот то-то и оно.

– Тогда я знаю, кто тебе нужен! – воскликнул Балин, который тоже все слышал и решил присоединиться к беседе.

– Кто?

– Взломщик! Вот кто! Тот самый, что однажды уже был взят на счастье.

– Я над этим подумаю, – согласно кивнул Гэндальф...

Три корабля покинули главную гавань Белфалласа через неделю. Эктилион сделал все, чтобы экспедиция была оснащена самым наилучшим образом. Он предоставил Гэндальфу лучшие судна гондорского флота. Быстрые триеры, каждая из которых с двумя рядами весел. Но весла не понадобились. Ведь во главе путешествия стоял маг. А призвать к парусам попутный ветер, для магов задача не сложная.

Тысячи гондорцев вышли провожать героев в опасный путь. все уже знали, зачем они отправились, и от души желали смелым путешественникам удачи. Море отливало лазурью, ярко светило солнце, когда смельчаки покинули порт. Оранжевые паруса с серебряным древом наполнились ветром, и корабли устремились в море, и пока они не скрылись из глаз, толпа провожающих по морскому обычаю не покидала гавань и не расходилась даже поздно вечером. Люди обсуждали и спорили между собой, успешная ли будет эта отчаянная попытка отыскать утерянную когда-то чашу.

Тем же вечером одинокий всадник достиг южных предгорий Туманных гор и поднялся к воротам Изенгарда.

Когда-то, лет двадцать назад, здесь стоял чудный сказочный дворец из белых камней, воздушный как облако и изящный, словно килинейское кружево. Теперь мрачный замок,

сложенный из темных крупных валунов острыми зубьями поднимал высоченные стены к серому унылому небу. С одной стороны он опирался в гору Изен, окружая ее с трех сторон, с четвертой была бездонная пропасть. В центре замка, на вершине горы одиноко торчала башня Ортханка, в которой теперь проживал Саруман Белый.

Всадник постучал в тяжелые ворота и сообщил двум коренастым стражникам, что он прибыл из Минас Тирита с посланием от Денетора и был тут же допущен к светлому магу.

С хмурой усмешкой Саруман принял от посланца письмо и стал читать его. И по мере того, как он читал, лицо его наполнялось удивлением, а затем чуть не яростью.

– Он все же нашел его! – воскликнул он наконец, отбрасывая письмо. – Пытливый и упрямый Митрандир. Значит, он все это время тоже продолжал искать его. И почти нашел. Хотя, Забытый запад слишком далеко, и там все еще идет война. Вернется ли оттуда наш храбрый Гэндальф?

Глава пятая КОНЕЦ СПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ, или СНОВА В ДОРОГУ

Тот день с самого утра стал отличаться от остальных. Он начался с того, что Бильбо долго не мог найти свою любимую трубку. В длинной ночной рубашке и колпаке хоббит носился по дому, искал трубку и не мог ее найти, от чего сильно нервничал. По этому поводу у него даже разгорелся спор со своей экономкой. Мунни толстенная добродушная хоббитша даже вышла из себя (а это у нее случалось довольно часто и весьма бурно), когда Бильбо сказал, что это она куда-то подевала его трубку.

– Вот еще, сударь! – закричала Мунни. – К чему мне ваша, с позволения сказать, трубка? Я ведь не курю! С таким же успехом вы можете требовать ее у садовника или конюха, уж они то любители подымить. Но тогда уж лучше сразу идите на главную площадь города и во всеуслышание заявите, что все ваши слуги воры и мошенники и ограбили своего господина.

Бильбо даже растерялся.

– Что это ты такая сегодня вспыльчивая? – удивился он. – Я ведь только спросил, где моя любимая трубка. И я спрашиваю у тебя это по несколько раз в день, и ты всегда находишь мне ее. Что произошло сегодня, что ты не хочешь мне помочь?

– Тесто у меня сегодня не подошло, вот что! – проворчала в ответ Мунни. – Так что не видать вам сегодня на завтрак медового пудинга.

– Не видать медового пудинга? – расстроено произнес Бильбо. От подобного заявления ему захотелось курить еще больше. – Моего любимого блюда! Почему же так произошло?

– Понятия не имею, – пожала плечами Мунни. – Но только это плохая примета. Не подошло тесто, жди незваных гостей, как говорили в нашем уделе во времена моей молодости.

Трубка все же нашлась. Она оказалась за дверью гостиной. Стояла там прислоненная к стене. И Бильбо никак не мог вспомнить, как он ее туда положил. К обеду все утряслось, и Мунни все же приготовила медовый пудинг. Но не успел Бильбо сесть за стол и повязать на шею салфетку, как над входной дверью зазвенел колокольчик. Мунни взбивала яблочный сидр и конечно же не могла оторваться от столь важного занятия, поэтому Бильбо пришлось идти открывать самому. Он так и пошел в салфетке.

За круглой дверью его ждал Джонатан Граббинс-Бэггинс из магистрата. Этот Джонатан приходился Бильбо четвероюродным братом, был младше него на один год, и служил в главной потребительской конторе Хоббитауна, которая вводила новые налоги и пошлины. Если он приходил к кому-то в гости, то ничего хорошего от его визита хозяевам ждать не приходилось.

Увидев Бильбо, Джонатан вежливо, но немного кривовато улыбнулся и приподнял шляпу.

– Не правда ли чудный денек? – спросил он.

– Погода великолепная, – не совсем любезно согласился Бильбо.

– Я могу войти?

– Разумеется, – Бильбо посторонился, пропуская гостя в дом. – Я как раз обедаю.

– Тогда я составлю тебе славную компанию.

– Буду очень рад, – кисло сказал Бильбо, хотя меньше всего испытывал в данный момент радость.

Но долг гостеприимства – превыше всего. Он угостил Джонатана великолепным обедом, напоил добрым пенистым сидром и напоследок дал ему самую большую трубку табаку. Граббинс-Бэггинс откинулся в кресле, глубоко затянулся и довольно произнес:

– Вот теперь можно поговорить и о деле.

– О деле? – удивился Бильбо. – У тебя ко мне дело?

– Да, милейший господин Бильбо, – ответил Джонатан. – Вот ты напрасно перестал посещать заседания Хоббитаунского совета.

– Мне это наскучило.

– Тогда для тебя будет сюрпризом введение нового налога, дорогой кузен.

– Нового налога? – встревожился Бильбо. – Давненько не вводили новых налогов. С чего это вдруг?

– Хм, ничто не стоит на месте. Времена меняются, расходы на содержание города и его окрестностей растут. Перилла у Большого моста прохудились, центральная мостовая разбита, ее надо мостить заново. Опять же, стены на ратуше давно не крашены. Вот почему мы, обеспокоенные благополучием и благосостоянием наших граждан, в прошлый вторник приняли новый налог, о чем я тебе и пришел сообщить, потому что тебя это касается в первую очередь.

– Почему он касается именно меня?

– Потому что Совет решил обложить налогом, измеряющимся десятью золотыми монетами в год все здания, превышающие в высоту тридцать футов и имеющие больше двух этажей. Ты будешь платить сегодня или на следующей неделе?

– Но ведь во всей Хоббитании только мой дом превышает эти показатели! – с возмущением воскликнул Бильбо. – Вы это специально для меня подстроили? И ты, Джонатан, я уверен, был инициатором!

– Да! Именно поэтому мы и решили ввести подобный налог, чтобы другим выскочкам, которым вдруг вздумается брать с тебя пример, было неповадно возводить столь громоздкие и вызывающие здания, – с ухмылкой заметил Джонатан, вытряхивая из выгоревшей трубки золу прямо на пол. – Когда же ты будешь платить? Если заплатишь сразу, то есть сейчас, и всю сумму, то тебе не придется платить налог за продленный налог.

– Продленный налог? Это еще что за штука?

– А это второй налог, который мы утвердили. Его платят тогда, когда основной годовой налог выплачивается не за один раз, а ежемесячно.

– И большой он, этот налог за налог?

– Один процент. Так как?

– Куда катится этот мир? – воскликнул в сердцах Бильбо. – Хорошо, я сейчас принесу тебе деньги.

– Вот и славненько! У меня уже и расписочка готова.

Бильбо вынес сборщику податей требуемую сумму, получил расписку, внимательно прочитал ее и, ни слова не говоря, спрятал в карман жилета.

– Ну вот, дело сделано, – довольно потер руки Джонатан. – Теперь, я думаю, мне пора и честь знать. Надо заглянуть еще и к старику Булкинсу. Для него у меня тоже есть новостиска.

И весьма довольный собой, бормоча что-то о выскочках и обнаглевших богатеях, Джонатан Граббинс-Бэггинс удалился.

Хотя сумма в десять золотых за год для Бильбо не была накладной, настроение его от посещения Джонатана было сильно подпорченным и не поднималось до самого вечера. Даже работа над книгой в этот день не вдохновила его. Он посидел над чистым листом с полчаса, потом понял, что ничего написать он, пожалуй, не сможет. От досады Бильбо чуть

не заплакал. Но не пристало такому почтенному хоббиту, как он, проливать слезы. И тогда Бильбо стало совсем грустно.

Как он жил все эти годы после того, как вернулся из своего Второго путешествия? Надо сказать, очень неплохо жил. В достатке и добром здравии. Первые десять лет просто блаженствовал и наслаждался жизнью. Его просто распирало от удовольствия оттого, что каждую ночь под ним мягкая и теплая постель, а не жесткая земля. Что утром никуда не надо торопиться, вскакивать и тащиться неведомо куда. И разве не счастье, что нет нужды совершать постоянные подвиги и чудеса храбрости и героизма. И сколько угодно еды. Хоббичьей еды! Сколько угодно раз в день.

Но по истечении этих десяти лет Бильбо все чаще и чаще стал вспоминать былое и к ужасу своему, вдруг начал сознавать, что он успел соскучиться по приключениям.

– Не может быть! – ругал он самого себя. – Неужели я не сыт по горло этими приключениями? Нет, конечно, сыт и не только по горло, а по самую макушку. Дом, милый дом! Нет ничего лучше.

Но потом ему вдруг вспоминался тот удивительный вид, что он видел, когда сидя на спине гордого орла Ненартана, летел над Туманными горами, и ловил себя на мысли, что не прочь бы полетать снова.

– Нет-нет! Только не это! Вспомни только, чем это все закончилось. Увольте!

Когда прошло еще семь лет, Бильбо совсем заскучал. Все чаще и чаще перед его глазами проплывали чудесные виды дальних стран, добрые лица друзей, которых он приобрел в дороге, и мысли хоббита уносились далеко-далеко за пределы Хоббитании.

Хоббиты, надо сказать, по-прежнему сторонились его и искренне считали господина Бэггинса малость чокнутым. Только хоббитята, каждый раз, как он выходил на улицу, приставали к нему с просьбами рассказать, как он победил Смога Ужасного. Так что Бильбо все также жил затворником со своими слугами, и мало с кем общался. И уж конечно он некому не обмолвился о своем Втором путешествии, хотя язык так и чесался. Но, увы, приходилось молчать. Ведь он НИКОГДА не покидал Хоббитаун после того раза с гномами. Попробуй, заикнись, что у тебя в шкафу твой двойник, а сам ты уже успел еще раз обойти чуть ли не все Средиземье и совершить новое количество славных подвигов. Тогда точно, тебя объявят настоящим сумасшедшим и лишат всех прав на имущество и назначат опекунов. Вот уж обрадуются все родственнички. Особенно Граббинс-Бэггинсы. Джонатан первый и прибежит. Так что приходилось держать язык за зубами.

Вот тогда-то у него и появилась еще одна привычка.

По вечерам, когда за окнами была полная и непроглядная темень, он уединялся у себя в кабинете, что находился на третьем этаже его шикарного дома, и доставал. Что бы вы думали? Вот ни за что не догадаетесь!

Он доставал своего двойника. Того самого, что смастерил ему Гэндальф. Надувал его, сажал в кресло и вел с ним беседу. Бильбо номер два оказался неплохим хоббитом и отличным собеседником. Главное, что он хорошо умел слушать, и редко перебивал, только для уточнения деталей, что почти не свойственно большинству хоббитов. А еще он всегда был добродушен и во всем соглашался со своим оригиналом. Никогда не спорил. Его можно было угостить горячим чайком и трубочкой табачку, вместе покачаться в креслах качалках и поговорить по душам. Чем плохой товарищ? И Бильбо сам не заметил, как крепко привязался к нему.

И вот сегодня он тоже достал двойника, надул его, посадил в кресло, и они стали качаться и беседовать.

Только вот от плохого и подавленного настроения или еще, по какой причине он совершенно забылся и не дождался, как обычно, ухода Мунни. Экономка же, именно в этот день устроила генеральную уборку и задержалась дольше обычного. И вот настал тот момент,

когда она добралась до третьего этажа и приблизилась к кабинету. И надо же! Открыв дверь, увидела, что в комнате находятся два хозяина вместо одного. Сидят, качаются в креслах и дымить трубками.

– Ведь принимая этот новый налог, они специально хотели досадить мне! – делился обидой со своим надутым другом Бильбо. – В очередной раз уколоть и показать мне, что я уже ничего не значу.

– Что это значит? – всплескивая руками и роняя из рук веник, громко и визгливо воскликнула Мунни. – У меня в глазах двоится?

– Что такое, дорогая Мунни? – Оба Бильбо разом повернулись к двери.

У бедной хоббитши глаза так и разошлись в разные стороны. Некоторое время она смотрела то на одного, то на другого. Тут до Бильбо дошел смысл происходящего. Он быстро вскочил с кресла и подбежал к экономке. По дороге он быстро наклонился к двойнику и вытащил у него из пятки затычку. Тот мгновенно сдулся, так что когда глаза Мунни вновь сошлись вместе, перед ней опять был только один господин Бэггинс.

– Что такое? – с притворным беспокойством спросил ее хоббит. – Что тебя так взволновало, моя любезная Мунни?

– А-а-а! – завопила Мунни. Она несколько секунд смотрела на опустевшее кресло, затем вдруг с шумом грохнулась в обморок. Только ее короткие волосатые ножки задрались вверх и так и остались в таком положении.

Бильбо от страха сам чуть не потерял сознания, но вовремя взял себя в руки, подбежал к столу, где у него стоял графин с водой, набрал в рот воды, опять подбежал к Мунни и прыснул на нее так, как это делают хозяйки, когда гладят белье.

Хоббитша протяжно застонала, открыла глаза и с трудом и не без помощи Бильбо поднялась. Некоторое время она растерянно озиралась по сторонам в поисках двойника.

– Там, там, – бормотала она, показывая пальцем в пустое кресло. – Только что!

– Ничего не понимаю! – притворно удивился Бильбо.

– Только что тут был еще один господин Бэггинс, – наконец выдохнула Мунни. – Или я сошла с ума, если это не так!

– Я был здесь совершенно один, – удивленно пожал плечами Бильбо. – У тебя закружилась голова?

– Ох, сударь! Не морочьте голову своей кормилице. Это непорядочно с вашей стороны. Я все-таки не в тех летах, чтобы со мной шутки шутить.

– Я и не собирался шутить, – стал успокаивать служанку Бильбо. – Тут никого не было. Тебе показалось. Это от усталости. Так бывает, когда сильно устаешь или от голода. В глазах двоится, а потом раз и падаешь в обморок. Кто же устраивает уборку в такое позднее время. Всем известно: убирать полы вечером – жди неприятностей. Вот у тебя глаза и раздвоились. Но ничего, на это есть только одно средство. Очень хорошее средство. Иди и чего-нибудь перекуси. И не вздумай сегодня еще заниматься хозяйством.

И мягкими, но настойчивыми движениями Бильбо выпроводил Мунни из кабинета. Затем облегченно вздохнул и вытер пот со лба, после того, как закрыл за ней дверь.

– Еще не хватало, чтобы родные домашние хоббиты стали думать обо мне невесть что, – пробормотал он. – Нет, сегодняшний день совершенно не удался. Абсолютно.!

В дверь постучали. Бильбо открыл и увидел Мунни, которая уже была одета и даже в шляпе с алой розой на широких полях.

– Пожалуй, я пойду, схожу домой, – сказала она. – Хоть и поздно, а все равно пойду. Ни часу не хочу здесь оставаться. Все равно не усну. Что-то мне не по себе. Никудышный сегодня был день, господин Бэггинс. И все из-за того, что тесто утром не поднялось. Нет хуже приметы. Во всяком случае, я не знаю. Скорее бы часы пробили полночь, а не то, как бы чего не вышло.

– Через полчаса будет полночь, – успокоил ее Бильбо. – Думаю, что неприятностей на сегодня было предостаточно. Один Джонатан Граббинс стоит десяти потухших трубок (потухшая трубка для хоббитов тоже весьма плохая примета).

Ему было неудобно перед Мунни. В конце концов, по его вине она так напугалась. Не стоило быть таким неосторожным. Вот почему он был так любезен, что проводил ее не только до выходной двери, а и до самой калитки. Ночь была темная, но звездная.

– Может, все-таки вернешься? – спросил он. – Очень уж поздно.

– Моя норка будет прямо напротив вашей, так что нечего и беспокоиться.

И толстенькая хоббитша заковыляла на коротких ножках к своему жилищу. Бильбо дождался, когда она пройдет в свой дом, и только после этого вернулся к себе.

– Надо и мне лечь в постель. Но перед этим просто необходимо слегка перекусить, а не то не усну. Чем угодно готов поклясться.

И Бильбо направился на кухню. Но не сделал и трех шагов, как вдруг бешено зазвенел колокольчик над входной дверью в прихожей. Хоббит даже подпрыгнул от неожиданности и испуга.

– Иду! Иду! – пробормотал Бильбо, осторожно подходя к двери. – Уже иду!

Колокольчик продолжал требовательно и призывно звенеть. От его звона даже в ушах отдавалось.

– Если бы Гэндальф не колотил всегда в мою дверь посохом, я бы подумал, что это он, – сказал хоббит, открывая дверь.

Нет, это был не Гэндальф. У порога стояли два гнома. Увидев Бильбо, они радостно заулыбались, разом вошли в дверь, сняли колпаки и поклонились чуть не до земли.

– Балин! Двалин! – радостно завопил Бильбо, обнимая по очереди двух братьев. – Какими судьбами? Какая встреча! Проходите, проходите. Неужели это вы? Вы пришли в самый раз. Я только что поставил чайник. Эх, жаль, что вы не подошли к ужину. Но парочка кексов у меня все же осталась. Я как знал!

Бильбо был действительно искренне обрадован приходу столь необычных гостей и засуетился вокруг них с довольным видом.

Гномы тем временем сняли плащи, и повесили их и колпаки на вешалку около двери.

– Ты смотри, – удивился хоббит. – Прямо как в тот раз. Я имею в виду тот самый первый раз.

И вдруг на его лице появилась искреннее выражение тревоги.

– Как в тот раз? Действительно как в тот раз. Вы тоже пришли вдвоем один за другим и представились Балин и Двалин. И что это значит? Что сейчас опять раздастся звонок, и появятся Кили и Фили, хотя нет Кили и Фили погибли в битве Пяти армий, тогда значит Дори и Нори, и...

Что будет после «и» Бильбо даже испугался произнести. А гномы дружно расхохотались.

– Нет, дорогой господин Бэггинс, – сказал Двалин, хлопая Бильбо по плечу, – никто после нас не придет. Не волнуйся. В этот раз мы только вдвоем. Наша старая ватага давно уже распалась. Кто остался в Дейле у Бэрда, большинство гномов конечно же гранят алмазы Под Горой. А вот мы с братом шатаемся по свету и создаем единый союз гномов. Да-да, мы были почти везде, где есть гномы!

– Да, да, – подтвердил Балин. – Мы мечтаем возродить Великое Королевство гномов и вернуть обратно Морийские рудники.

За разговором все трое оказались в столовой и уже через полчаса пили чай и весело болтали, предаваясь воспоминаниям о былом. Постепенно Бильбо расслабился, перестал волноваться и даже развеселился. Глазки у него заблестели. Он словно снова оказался где-нибудь в горах, где от него требовалось совершить очередной героический поступок.

– Эх, – он даже стукнул кулаком по столу, – и довелось же нам испытать! Никому не пожелаешь.

– Да уж, никому не пожелаешь, – согласились гномы, попивая пиво, за которым Бильбо только что сбежал в погребок.

– Точно, точно! – разгорячился Бильбо. – Тролли, драконы, орлы и гоблины! Кое-кому за всю жизнь не довелось увидеть хотя бы одного из них. А нам, так чуть ли не каждый день с ними доводилось встречаться.

– А ведь с виду мы вовсе не похожи на героев, – заметил Балин. – Я бы сказал, что мы вовсе не герои. Просто гномы и хоббит.

– Это уж точно, – согласился Бильбо. – Какие из нас герои?

И они налили себе еще по кружке пива.

– Но в то же время, – через пару глотков сказал Бильбо, – не всякий рыцарь может похвастаться тем, что испытали мы.

– Куда им рыцарям-то! – согласился Двалин.

Бильбо мечтательно уставился в потолок:

– Да, были времена! Прекрасные, по-своему, времена. Я вот вас увидел, все сразу вспомнил. Словно вчера это было. Да, словно вчера! Так все свежо в памяти. Просто не верится, что прошло столько лет.

– А сколько лет прошло? – поинтересовались гномы.

– Дайте-ка, сосчитаем! – Бильбо стал загибать пальцы. – Вы пришли ко мне в тысяча триста сорок первом году.

– Это по вашему календарю.

– Да, это по хоббитскому летоисчислению. Сейчас семьдесят шестой. Батюшки! Это что же получается? Получается, что прошло тридцать пять лет?

– Точно, тридцать пять лет! – согласились гномы.

– Это круглая дата! – заулыбался Бильбо. – За которую стоит выпить кое чего покрепче пива.

– Почему бы и нет? – Балин и Двалин не были против.

Бильбо сбежал за старым кардоланским вином, которое у него было припасено на самые торжественные случаи. Сегодня был как раз такой случай. Вскоре он вернулся с целым кувшином пенистого напитка. Винный аромат достиг ноздрей гномов, и они оживились.

– А господин Бэггинс остался все таким же гостеприимным хозяином, – довольно заметил Двалин, когда они пропустили по стаканчику. – Славное винцо. Ничуть не хуже того, что мы пробовали в Гондоре. Не правда ли, Балин?

– Пожалуй, что оно будет лучше, – ответил Двалину брат.

Гномы довольно причмокнули губами, доставив тем самым несказанное удовольствие хозяину.

– Вы были в Гондоре? – воскликнул хоббит. – Неужели? Как должно быть там красиво! Я ведь тоже бывал в тех местах. В соседней Конике. Замечательная страна. А вы значит из Гондора? Вот здорово!

Опрокинули еще по стаканчику. Бильбо раскраснелся и стал еще более живым.

– Эх, а ведь на меня, бывают такие минуты, нападает тоска по тем дням, когда небо и звезды над головой, трава и плащ под боком.

– Что ж, это нам тоже знакомо, – сказал Балин. – Кто хоть раз побродил по белому свету, уже не усидит дома.

– Это как болезнь, – кивнул Двалин.

– Точно болезнь! – горячо согласился Бильбо. – Иной раз ноги мои сами несут меня из дома. С великим трудом заставляю себя остановиться. Хотя, жизнь на одном месте мне

изрядно надоела. Зовут меня синие дали. Особенно по ночам. Зовут. Уставлюсь, бывает в потолок, плююсь в него, а сам думаю, почему надо мной не звездное небо и не шатер из деревьев, а под боком не ковер из трав? Прямо хоть на улицу выходи! Вот как меня в дорогу-то тянет. Да еще как! Если бы не дом, давно бы все бросил. Не хватает чего-то такого, чтобы стало последней каплей. Последним толчком.

– Что за дела? – нагнулся к хоббиту Балин. – Плюнь на все, и пошли с нами. Мы как раз собрались проверить одно дельце. Честное слово, выгодное дельце.

Хоббит сразу насторожился:

– Выгодное дельце?

– Да, мы кое-куда собрались. Не хочешь с нами?

– Я бы с удовольствием, – сразу протрезвев, пробормотал Бильбо, – только вот неотложные дела никак не позволяют мне покинуть дом.

– Что это за дела такие?

– Моя книга! – выдохнул Бильбо и сразу обрадовался, что нашел вескую причину. – Я ведь пишу книгу о наших приключениях. И, честное слово, не добрался и до середины. Я остановился как раз на том месте в Черном лесу, где вас захватили лесные эльфы и отвели в замок короля.

Услыхав про эльфов, братья поморщились. Все-таки гномы по прежнему не очень жалуют эльфов.

– Да, да, – продолжал Бильбо, – не могу же я бросить книгу вот так на середине?

– Ерунда! – махнул рукой Двалин. – Возьми с собой пачку бумаги или тетрадь, походный чернильный набор, какие бывают у писцов и сборщиков налогов, и все дела.

– А ведь верно! – обрадовался Бильбо. – Все дела.

– Ну так как? – спросили его гномы. – Едешь?

Хоббит опять засомневался.

– Прямо не знаю. Вроде бы и хочется, но в то же время и колет. Все-таки вспоминать приключения намного приятнее, чем переживать их вновь.

– Это ты зря, – сказал Балин, наполняя Бильбов стакан. – Стоит тебе только вдохнуть пьянящего воздуха свободы, как тебя обратно домой не затащишь.

Бильбо залпом выпил вино и стукнул кулаком по столу.

– А все-таки я остаюсь! Вы уж, друзья, извините. Наверно это годы. Не такой я молодой для подобных переделок. Годы берут свое. Как никак, без двух недель восемьдесят шесть лет.

Гномы усмехнулись.

– Если уж говорить о годах, – сказал Балин, – то мы намного тебя старше, а вот ты, между прочим, ни капли не изменился. Как будто и не прошло столько лет. Даже вроде помолодел.

– Нет, нет, и не уговаривайте! – продолжал сопротивляться хоббит. – Вам я от души желаю повеселиться в вашем предприятии, а с меня довольно гоблинов, троллей и злых драконов.

– Как хочешь! – буркнул Балин.

– На веревке тебя тянуть никто не собирается, – поддакнул Двалин. – Чего было тогда говорить? А то расхвастался. Хочу опять в дорогу! Хочу путешествовать! Звездное небо над головой! Шатер из деревьев, ковер из трав! А как до дела дошло, так сразу в кусты. Нехорошо!

И гномы стали вылезать из-за стола. Хоббиту стало неловко.

– Нехорошо получилось, – бормотал он. – Вы уж меня простите. Увидите Гэндальфа, передайте ему от меня горячий привет. Кстати, как он, интересно, поживает? Вот уж кто умел уговаривать и утаскивать в разные там Путешествия.

– Кстати о Гэндальфе! – воскликнул Балин и хлопнул себя по лбу, словно что-то вспомнил. – Тебе от него письмецо.

– Вот как? – обрадовался Бильбо. – Значит, он меня не забыл? Вот здорово! Давайте, давайте его скорее сюда.

И хоббит с волнением схватил письмо, которое ему протянул гном. Надорвал конверт и стал читать вслух. По мере чтения лицо его менялось. От улыбчивого и радостного оно становилось кислым, если не сказать хмурым. Вот что было там написано.

«Дорогой мой Бильбо! Бильбо Бэггинс эсквайр!

С почтением уведомляю тебя, что был бы безмерно рад и бесконечно счастлив навестить тебя самолично. Но неотложные дела требуют моего обязательного присутствия в другом месте. Тем не менее, встретиться нам нужно. В этом есть, я бы сказал, крайняя необходимость. Все расскажу при встрече. Суть причины в письме объяснить не могу, так как опасаясь, что оно может оказаться в руках недоброжелателей. Посему, покорно прошу distinguished хоббита в память о нашей дружбе прибыть в Серебристую гавань, где я его буду ждать с нетерпением. Впрочем, сразу хочу успокоить господина Бильбо и избавить его от излишних тревожений и переживаний. Драконы тут не при чем. Итак, буду ждать в пятницу вечером на корабле под названием «Хеллуин».

Всегда к твоим услугам, Гэндальф-волшебник.

P. S. Да, чуть не забыл. Не забудь в Этот раз взять с собой свое славное колечко, а то в последний раз без него было слишком хлопотно.

И еще. Когда будешь надувать Своего Двойника, не забудь перед этим как следует встряхнуть его, чтобы он не был затхлым.»

– Что-то я не совсем понял, – сказал Бильбо, закончив читать. – Видимо слишком много выпил. И в глазах вдруг зарябило. Наверно здесь слишком темно. Тут сказано, что Гэндальф скоро прибудет, и мы встретимся?

– Нет, – сказал Балин, – здесь написано, что Гэндальф просит Тебя встретиться с ним в Серебристой гавани на корабле «Хеллуин». Повторить еще раз, чтобы дошло?

– Да, пожалуйста. Если конечно тебя это не затруднит.

– Не затруднит нисколько. Чего не сделаешь для хорошего друга? Повторяю! – Балин подошел к Бильбо вплотную и заорал ему в ухо: – Гэндальф просит тебя прибыть в Серебристую гавань в пятницу вечером и встретиться с ним на корабле под названием «Хеллуин»!

– В пятницу вечером? А сегодня у нас что?

– Понедельник. Ночь. Хотя нет, уже вторник.

– Это значит, что выехать мы должны уже сегодня?

– Именно так, – подтвердил Двалин. – Пони ждут нас за мостом. Три отменных пони. Если мы выедем до рассвета, то как раз успеем. А чтобы твои хоббиты не увидели тебя уходящим, ты наденешь гномовские колпак, плащ и сапоги, а для большей убедительности нацепишь на лицо бороду. Гэндальф посоветовал сделать это, чтобы окончательно не погубить твою, как ее...

– Репутацию, – подсказал Бильбо. Он выглядел совершенно расстроенным. От хорошего настроения у него не осталось и следа.

– Во-во, ее самую!

Бильбо пожал плечами:

– Как можно погубить то, чего уже нет?

Гномы суеились вокруг хоббита и помогали собираться в дорогу.

– Трость не забудьте, – подсказывал им Бильбо. – И носовые платки. И шляпу.

– Носовые платки ему подавай, – проворчал Двалин. – Вот бестолочь. Нет бы вспомнить про митриловую кольчугу, которую подарил ему Торин. Ведь в дороге, она куда более пригодна, нежели какие-то там носовые платки. Ишь, глупость какая – носовые платки! Я лично сморкаюсь в кулак или в бороду.

– Верно, верно, – согласился Бильбо. – Я обязательно надену свою митриловую кольчугу, подаренную мне Торином. А то в последний раз на мне ее не было, и я чувствовал себя не совсем спокойно. Только надеть ее надо под рубашку, чтобы никто не видел.

– Тоже верно, – поддержал его Балин, который принес кольчугу и стал надевать ее на Бильбо. – Она стоит таких денег, что если разбойники или воры, увидят ее на тебе, то точно далеко уйти не дадут.

– А что будут разбойники и воры? – мрачно шмыгнул носом хоббит.

– А то!

Через час Бильбо был готов. В хоббичьей шляпе и в гномовской одежде он представлял собой забавное, если не сказать, нелепое зрелище. И даже сам это признавал.

– Я похож на чучело.

А рядом с ним стоял совершенно нормальный и обычный Бильбо Бэггинс. В желтом жилете, с трубкой в руке и в ночном колпаке. Все как положено. Балин и Двалин лично надули его. Они так старались, что чуть было не перестарались. Бильбо у них получился толстый претолстый и чуть было не лопнул. Настоящий Бильбо вовремя это заметил и заставил приспустить воздух, пока Двойник не стал нормальным.

– Теперь можно отправляться, – грустно сказал гномам хоббит, с тоской оглядывая свое жилище. Что-то подсказывало ему, что он вернется сюда не скоро. – Эх-эх-эх, вот и настал конец моей спокойной жизни! Ну когда же кончатся эти приключения?

В голосе хоббита слышались, чуть ли не слезы. Гномы ободряюще похлопали его по плечам.

– Брось горевать, – убеждал Балин. – Небольшая прогулка на юг. Увидишь море, искупаешься. Погреешься на солнышке, полежишь на горячем песочке. Только и всего. Есть из-за чего растраиваться. Радоваться надо.

– А почему Гэндальф хочет встретиться со мной на корабле? Он что решил отправиться в плавание? Надеюсь, он не собирается взять и меня в море? Мы хоббиты большие противники морских, речных или еще каких бы то ни было передвижений по воде.

– Вот уж про это мы не знаем! А разве не ты лучший пловец на бочках? Ха-ха! – рассмеялись гномы.

Перед самым выходом Бильбо вдруг громко ахнул и стукнул себя по голове.

– Чуть не забыл!

И унесся по направлению к своему кабинету. Отсутствовал он целых пять минут, так что гномы даже стали волноваться, не сбежал ли он.

– Вот будет штука, если сбежал, – погладил бороду Двалин.

– Гэндальф нам за это спасибо не скажет, – кивнул Балин.

Они уже решили, было пойти за хоббитом, но тут он вернулся сам.

– Ключ никак не мог найти, – сказал он гномам.

– Ну и как, нашел?

– Нашел. Все в порядке. Теперь можно отправляться.

И они неслышно покинули гостеприимный дом Бильбо Бэггинса. Двойник проводил их добрым взглядом. Бильбо напоследок оглянулся и увидел, как он стоит на крыльце, поправляет трубочку и пускает в темное ночное небо серые кольца дыма. Честное слово, много бы сейчас он дал, чтобы поменяться с ним местами.

Глава шестая «ХЕЛЛУИН» ПОДНИМАЕТ ПАРУСА

Солнце низко висело над Серебристой гаванью. По морю от него почти до самого берега протянулась оранжевая дорожка. Над невысокими горами, гребнем выпирающими вдалеке, уже показался бледный диск луны. Это было хорошим предзнаменованием для тех, кто собирался отправиться в плавание – путешественников пришли проводить оба светила.

На рябой от волн воде имевшей стальной оттенок, покачивались три триеры. Гордо взирали на берег дракон, бык и орел украшавшие носы кораблей.

Корабли назывались «Войдраг», «Гиллион» и «Хеллуин». Это были великолепные суда, сделанные руками самого Сирдана – Владыки Гаваней. Всего месяц назад они покинули Белфалласский залив и с попутным ветром обогнули все южное побережье Гондора, после чего повернули на север, вышли в Окружное море и добрались до Синего залива, в который впадает река Сероструйная, а по правому берегу реки расположилось дружественное Гондору королевство Минириат. Здесь корабли сделали двухнедельный привал.

Этому была веская причина. Дело в том, что по пути к гавани за несколько дней до намеченной цели, на гондорцев напали пираты.

Пираты существовали в Средиземье всегда. С тех пор, как в море стали плавать корабли, на них стали нападать пираты. Слуги зла, воплощение жестокости и ярости, когда-то они представляли серьезную угрозу всем королевствам, что имели границы на морском побережье. Сами пираты обитали на южных островах, которых на юго-восточном побережье Средиземноморья было великое множество. Естественной и самой мощной преградой и защитой от них была когда-то, еще во времена Нуменора, Умбарская крепость, но шестьсот лет назад она была по наущению из Мордора захвачена пиратами. С этого времени началась эпоха их могущества. Там же в Лимбарской гавани и расположился навечно весь пиратский флот. Впоследствии, там же были построены пиратские верфи и города по всему заливу, который стал называться Корсарским. Пираты стали полноправными хозяевами всей той местности и всех южных морей. И даже воинственные харадримцы, которые преимущественно были кочевниками, не могли выбить их из Умбара, так как подступы со стороны суши к пиратам были заняты непроходимой пустыней. Отсутствие флота у харадримцев и всяческое отсутствие желания короля всадников стать морской державой не давало возможностей разгромить пиратов с моря. В былые времена пираты были столь дерзкими, что на своих легких и быстроходных дракарах заходили в реки, поднимались вверх по течениям и нападали на речные города и села, наводя страх и ужас на все население прибрежных стран.

Главным и вечным врагом пиратов был Гондор. Его флот всегда преследовал пиратов и вступал с ними в бой, где только мог. Несколько раз он полностью разбивал пиратские флотилии и пускал десятки кораблей на морское дно. Но до конца пиратство неискоренимо, так же, как и зло в этом мире.

Они выплыли утром, незримо и неслышно появившись из рассветного тумана. За несколько минут до нападения Гэндальф предвидел опасность и велел Гирме, капитану «Хеллуина» объявить всеобщую тревогу. Так что нападение не было неожиданным. Пиратов встретили плотной стеной щитов ошитинившихся копьями и тучей стрел. Призывно затрубил боевой рог Торонгила.

Торонгил приказал спустить паруса и сменить курс. Триеры легли с правого галса на левый, и пять коротких, но быстроходных дракаров с черными парусами и одним рядом весел не смогли взять гондорцев в кольцо. Это была удача. Мало того, Торонгил тут же разделил пиратские корабли, дерзко пройдя между ними и разрушив их строй.

– На абордаж! – донеслось с пиратских кораблей.

Но абордажа не получилось, потому что носы гондорских кораблей пронзили борта пиратов, и те не смогли взойти ни на один из бортов трех кораблей. И не пираты, а гондорцы стали по одиночке захватывать один дракар за другим, и так как на их кораблях были отменные воины, то пираты несмотря на численное преимущество были разбиты, а их корабли отправлены на дно. Воины радовались неожиданному нападению, которое скрасило их однообразное плавание.

Но в тот же вечер на гондорцев опять напали пираты. В этот раз у них было семь дракаров и почти триста воинов. Так что бой получился очень жестокий, и в нем сложили головы не один десяток доблестных гондорских гвардейцев.

Это была славная битва, достойная быть воспетой в песнях.

Было уже темно, и сражались при свете факелов. Торнгил применил прежнюю тактику и не дал пиратам окружить себя. Хотя это было не легко. Но с ним был Гэндальф, и он сыграл решающую роль в сражении. Каждый раз, когда дракары пытались соединиться для нападения, он посылал на них огненные шары. С первых же минут боя, запылал парус одного из дракаров. Потеряв управление, он врезался в другого пирата, который не успел отклониться в сторону, горящая мачта разломилась и накрыла его. Дракар тут же загорелся. Еще три огненных шара, вырвавшиеся из посоха Гэндальфа превратили их в пылающие костры.

«Хеллуин», «Войдраг» и «Гиллион» гордо прошли мимо них и налетели на остальных пиратов. Пять дракаров, видя, что их товарищи горят, как раз пытались отступить, но при смене курса два крайних из них из-за тесноты столкнулись носами, закрыв путь трем первым пиратам. Кончилось тем, что все пять дракаров зацепились друг за друга, смешались и полностью утратили контроль над управлением.

Так что не пираты, а гондорцы опять, как и утром, пошли на абордаж сбившихся в кучу пиратов. Торнгил с обнаженным мечом первым прыгнул на борт пиратского дракара. За ним Феномир и остальные витязи. Началась жестокая сеча. Треск ломающихся щитов и звон мечей и абордажных топоров раздавался над окрасившимся кровью и огненным заревом морем, и жаждущие свежей крови альбатросы, громко кричали с небес, подбадривая сражающихся.

В бою этом участвовал и Гэндальф. В руке у него, неведомо откуда, возник меч со сверкающим в темноте клинком. Он прыгнул на пиратский дракар одним из первых и снес с плеч не одну пиратскую голову. Пираты разбежались от него, словно от морского демона. Гэндальф был в ярости. Плащ развевался на морском ветру, борода растрепалась, глаза сверкали подобно молниям.

Рядом с Гэндальфом словно дровосеки, рубящие лес, бились Балин и Двалин. Даром, что невелики ростом, но широки в плечах, братья так лихо врубались в ряды пиратов, что буквально превращали в щепу толстые дубовые щиты корсаров, и как орехи раскалывали медные шлемы вражеских воинов. Да еще хвастались друг перед другом, соревнуясь, кто больше прикончит врагов.

– Седьмой! – кричал Балин, срубая очередную голову.

– Отстаешь, братишка! – отвечал ему Двалин, выбрасывая здорового орка за борт, где уже начали кровавый пир акулы. – Этот у меня десятый.

Двумя ударами секиры Балин прикончил двух пиратов, которым удалось зайти Двалину в тыл.

– Эти двое для тебя будут стоять троих!

Последний подвиг братья совершили, когда прорвались на крайний дракар и срубили его топ-мачту, обрушив ее и насмерть раздавив полтора десятка пиратов. Остальные оказались под парусом, который тут же воспламенил Гэндальф, стремительно следовавший за братьями со своим неумолимым мечом. Затем маг что-то быстро прошептал и ударил посо-

хом в основание срубленной мачты, пиратский корабль с грохотом раскололся надвое и тут же камнем отправился на дно с дико верещащими под горящим парусом пиратами. Гэндальф подхватил за капюшоны гномов и одним прыжком оказался на другом пиратском судне, где уже хозяйничали гондорцы.

Торонгил и Феномир тоже бились в паре. Угадав в них предводителей, пираты толпами стремились на двух витязей и сраженные могучими ударами заливали палубу кровью и заваливали телами. Очистив от пиратов один дракар, Торонгил и Феномир тут же перепрыгивали на другой. Не было в этом бою воинов лучше. Впрочем, и другие гондорцы были под стать им и сражались также умело и героически. Никого гондорцы не ненавидят так, как пиратов.

Пиратами в большинстве своем были низкорослые и смуглые люди из восточных стран, много было чернокожих и кудрявых воинов с Дальнего Юга, изредка попадались и рослые, сероглазые и рыжеволосые северяне, еще в юности покинувшие Постылый Север. Кроме людей, было также немало уродливых широкозадых орков, которые держались вместе и даже имели отдельный дракар. В битве они были неумелыми и трусливыми, старались держаться в стороне, и именно их и пожгли под мачтой с парусом Гэндальф и братья гномы.

Однако врагов было все же очень много, дрались они жестоко и отчаянно, смерти не боялись, особенно рыжебородые северяне в рогатых шлемах с огромными широкими мечами и молотами, и бой не стихал всю ночь. Никто не собирался сдаваться или просить пощады. Только под утро гондорцам удалось уничтожить всех пиратов и потопить их корабли.

– Второй раз нам на пути попадаются пираты, – устало смахивая пот с лица, сказал Гэндальф Торонгилу, когда они покидали место сражения. – Это уже не простая случайность.

– Здешние места ими просто кишат, – пожал плечами Торонгил. – Король Минириата не имеет достаточного количества кораблей и воинов, чтобы бороться с ними.

– Поглядим, что будет дальше, – пробормотал маг.

С победной песней сопровождавшейся ударами бубна и струнами арф отправились победители в дальнейший путь. Черные плавники акул, словно маленькие паруса яхт, остались там, где совсем недавно кипела морская битва.

Тяжелым ходом триеры отправились дальше. Воины устали и еле держались на ногах, поэтому, когда в полдень впередсмотрящий крикнул, что видит черные паруса, всех охватило, чуть ли не отчаяние.

На протяжении нескольких лиг горизонт занимали темные квадратные паруса. Их было восемнадцать. Шестеро против одного. Гондорцы свернули паруса и остановились. Однако пиратские корабли тоже почему-то остались на месте. Они не стали приближаться, только по-прежнему качались на высоких волнах в пяти-шести лигах от гондорцев. Прошло два часа, но они так и не начали наступление и оставались на месте. Однако и путь вперед был крепко-накрепко заперт. Как только триеры попытались повернуть на юг и обогнуть пиратов, те тут же тронулись наперерез, так что пришлось вернуться. Казалось, что дерзкая экспедиция трагически закончится, еще не начавшись. Однако погода, до этого солнечная и ясная, вдруг неожиданно стала портиться. С запада стремительно набежали тяжелые черные тучи и заволокли половину неба. При чем именно с той стороны, где были пираты. Над гондорцами небо по-прежнему оставалось чистым и ясным. Даже ветерок не беспокоил безмятежную гладь воды. Зато было видно, как буквально в трех лигах севернее начался жестокий шторм, и берег по правому борту исчез из виду. В один миг черные пиратские паруса скрылись за пенными волнами. Шторм продолжался три часа и так и не достиг гондорцев. Когда море утихло, и тучи уползли назад, откуда появились, на северном горизонте не было ни одного черного паруса.

– Это твои штучки, Гэндальф? – спросил мага Торонгил.

– Какая разница, Эстель? – уклончиво ответил маг. – Главное, что мы можем отправляться дальше.

До Серебристой гавани они добрались без происшествий. Однако отдых и небольшой ремонт экспедиции все же требовался. Хотя при других обстоятельствах на это понадобилось бы не больше пяти дней, Гэндальф потребовал остановки на две недели. И сразу же, как только триеры были введены лоцманами в удобную для стоянки бухту, и надежно пришвартованы к сваям из северной лиственницы, прибитым в скалистые берега, два гнома отделились от всех и пошли в рабацкую деревушку. Там они купили трех самых выносливых и быстроногих пони. Расплатились они золотом, чем сильно удивили рыбаков, после чего не мешкая, отправились на север.

Гэндальф стоял на корме «Хеллуина» и внимательно глядел им вслед.

– Мы не тронемся с места, пока эти двое не вернутся назад и не приведут с собой третьего? – спросил его подошедший Торонгил. – Так я понимаю?

– Ты очень проницателен, Эстель, – ответил маг. – Недаром ты рос в доме у Элронда.

– И кто будет этот третий? Тоже гном?

– Нет, не гном.

– Значит хоббит?

У Гэндальфа удивленно поднялись брови:

– Как ты догадался?

– Я же Следопыт, – засмеялся Торонгил, которого Гэндальф почему-то называл другим именем. – Ты потребовал двухнедельной стоянки. Гномы поехали на север. Неделя туда, неделя обратно. За неделю верхом на пони отсюда можно добраться только до Хоббитании.

– Что ж, ты все угадал верно.

– На что нам нужен хоббит?

– На удачу, – ответил Гэндальф. – Разве ты не знаешь, что хоббит, покинувший дом, приносит удачу?

– Первые раз такое слышу. Но разве хоббиты покидают дом? Насколько мне известно, нет больших домоседов, чем эти забавные невысоклики.

– Мой хоббит уже не раз это проделывал.

– Так ты говоришь о Бильбо? О том самом Бильбо, что шел с гномами до Одинокой горы?

– О нем. – При этих словах в глазах Гэндальфа, задумчивых и суровых, подчас даже холодных и непроницаемых, что-то потеплело. – О господине Бэггинсе из Хоббитауна.

– И ты думаешь, что без тебя гномам удастся вытащить его из дома?

– Возможно. К тому же с гномами будет мое письмо.

– Что ж, будем ждать твоего хоббита.

– Будем ждать.

Прошло две недели. Корабли давно уже были готовы выйти в плавание, и последние несколько дней многие гондорцы просто изнывали от безделья и скуки. Здесь абсолютно нечем было заняться. Рыбацкая деревушка не представляла для воинов никакого интереса, а кроме нее поблизости жилья не было. К тому же у рыбаков даже не было молоденьких дочерей, а если и были, то их всех срочно отправили погостить к родственникам в городишко, который находился в пятнадцати лигах от побережья.

В пятницу однако Гэндальф приказал готовиться к отплытию.

– Вы должны быть готовыми поднять паруса в любую минуту по моему сигналу, – сказал он капитанам кораблей. – И сделать это должны без криков, чтобы посторонним ничего не было ясно. Вокруг могут оказаться шпионы. Ни к чему, чтобы они нас слышали.

Наступил вечер, но от мага никакого сигнала не было. Он опять стоял на корме «Хеллуина» и зорко вглядывался в уходящую вдаль дорогу. Дорога была пуста, и Гэндальф был хмур.

– А что если никто не придет? – спросил его Торонгил. – Или придут только гномы.

– Мы поднимем паруса и поплывем.

– Без хоббита? Без талисмана?

– Да, хотя при этом наши шансы на успех уменьшатся раз в десять.

– Ты серьезно?

– Вполне.

– Тогда я тоже желаю, чтобы хоббит не опоздал, – сказал Торонгил и тоже вгляделся в дорогу.

Темнело. В помрачевшем небе уже были видны звезды, а солнце на западе коснулось воды.

– Ты познакомишь меня с ним? – спросил мага Торонгил.

– Конечно, Эстель, – ответил Гэндальф. – Я тебя обязательно с ним познакомлю. Мало того, я прошу тебя постоянно быть рядом с ним и беречь его от невзгод путешествия.

– Он так слаб и мал?

– Нет, нисколько. В нем силы будет побольше чем у нас с тобой. И все же на забывай о том, что я тебе сказал, Эстель.

– Хорошо, Гэндальф, я выполню твою просьбу. С той минуты, как мы пожмем друг другу руки, я буду отвечать за его жизнь.

– Вы понравитесь друг другу, – пробормотал маг. – Однако, что-то его все нет. Неужели, гномы не справились с моим заданием?

– Может, их что-то задержало в пути? Дороги нынче не безопасны. Дикие звери, разбойники, и прочий бродячий сброд.

Гэндальф усмехнулся:

– Хотел бы я посмотреть на тех безумцев, которые вздумают связаться с этими тремя. Или ты забыл идущих на морское дно орков? А хоббита и вовсе можно назвать грозой драконов. Я знаю что говорю. И он еще себя покажет. Разбойники и волки. Ха-ха!

– Тебя послушать, так круче хоббитов и гномов никого не сыскать, – засмеялся Торонгил. – Обязательно учту это на будущее.

– Учти, учти, друг мой Торонгил. Намотай это себе на ус.

Маг и следопыт замолчали. С волнением они всматривались в темноту. Солнце уже скрылось за горизонтом, после чего сумрак словно накрыл землю темным одеялом. Они все стояли и смотрели. Даже когда стало совсем темно, так что не видно было рыбацких хижин на берегу, они и тогда продолжали стоять.

– Едут! – вдруг воскликнул Гэндальф. – Всадники.

– Ты их видишь?

– Нет, я их слышу.

Вскоре и Торонгил разобрал цокот копыт.

– Три пони, – сказал он. – И все с грузом.

– Они и туда отправились на трех пони и с грузом. Так что еще ничего не ясно. Может это не тот груз, что нам нужен. Хотя что-то подсказывает мне, что все-таки тот.

Внезапно ночную тишину оборвала задорная песня:

*Раз, два, три,
Уйди с дороги!
Раз, два три!*

*Раз, два три,
Ступайте ноги!
Раз, два три!*

*У меня мешок тяжелый,
Пять, шесть, семь!
Все равно я гном веселый,
И желаю всем.*

*Всем желаю золотишка,
Раз, два, три!
Я найти под чайной крышкой,
А не сухари!*

*И алмазов пару мисок,
Пять, шесть, семь!
Вместо жареных сосисок,
Я устал совсем!*

*Эх, сейчас бы кружку пива,
Семь, шесть, пять!,
Выпить свежего разлива,
И идти опять!*

*Раз, два, три,
Уйди с дороги!
Раз, два три!*

*Раз, два три,
Ступайте ноги!
Раз, два три!*

– Сразу видно, что это идут гномы, а не хоббиты, – усмехнулся Гэндальф. – Только я никак не разберу, два голоса орут или три.

– Во всяком случае, всадников точно трое, – ответил Торонгил. – Я их вижу.

– Теперь и я вижу, что их трое! – в голосе мага была нескрываемая радость. Взмахом руки он подозвал к себе Гирму. – Любезный наш капитан, как только эти трое поднимутся на палубу, и господин Торонгил отведет самого невысокого из них в мою каюту, тут же отдавай приказ поднимать паруса.

– Слушаюсь, господин маг.

Через несколько минут трое всадников были уже у кораблей. Они быстренько спешили, крикнув, взяли на плечи походные мешки и поднялись на борт «Хеллуина» по широкому трапу. Здесь все трое встали и один, самый маленький гном стал с удивлением крутить головой и стрелять глазами.

– Никогда в жизни не видел такой огромной лодки! – воскликнул он. – Неужели вы на ней поплывете? И, что, кругом будет вода? Я слыхивал, что когда плывешь по морю, то даже берега не видно. Так это?

– Так, так, – ответил ему другой гном повыше.

– Может быть вы и поплывете, но только не я, – опять сказал самый невысокий гном. – Так что мне все это нисколько неудивительно. Мы хоббиты вообще не любим воду. Куда там, плавать? У меня уже голова кружится, слышь, Двалин. И под ногами все что-то не так. Это и есть морская болезнь? Если так, то я уже болен.

Тут к ним подошел человек и сразу уставился на хоббита, который в эту минуту как раз с облегчением стащил с лица фальшивую бороду.

– Меня зовут Торонгил, – сказал он. – А так как ты с севера, то можешь называть меня просто Странником. Так ты и есть господин Бэггинс?

– Я, – пискнул Бильбо, у которого сразу ноги подкосились в предчувствии чего-то важного.

– Значит, ты хоббит Бильбо? – Торонгил прищурил глаза и внимательно и чуть насмешливо посмотрел на хоббита. Тот окончательно смутился и смял гномовскую бороду в руках. – Наслышан о тебе. А теперь пройди за мной.

– Это, за каким таким делом должен я идти за тобой? – удивился Бильбо. – Впервые тебя вижу. Ни здрасте, ни до свидания! А то, что ты мне имя свое назвал, тоже ничего не значит. Может, ты его придумал, большеногий? К тому же в наше время у каждого по несколько имен. Не нравится мне это.

Торонгил нисколько не рассердился.

– Прости, что не вежливо позвал тебя за собой, – поклонился он. – Но в каюте тебя ожидает твой друг.

– Гэндальф?

– Он самый.

– С этого и надо было начинать, – недовольно проворчал хоббит. – Я ведь только для того и проделал весь этот путь, чтобы повидаться с ним, а не припираться с большеногим.

И Бильбо пошел за Торонгилом. Тот провел его по всему кораблю к носовой его части, потом спустился по невысокой лестнице с очень узкими ступенями и вошел в низенькую дверцу, которая неожиданно очень понравилась Бильбо, потому что была ему прямо по росту.

В каюте за столом сидел Гэндальф и что-то писал. Перед ним стояла наполовину оплывшая свеча, так что Бильбо подумал, что его друг уже давно не поднимает головы. Какого же было его удивление, когда, подойдя, он увидел почти чистый лист.

– Гэндальф! – закричал Бильбо. – Дружище! Ты звал меня? Так вот он я. Знал бы ты, сколько мне пришлось преодолеть лиг, чтобы добраться до тебя.

Маг медленно поднял голову и посмотрел на хоббита. Некоторое время он ничего не говорил. Бильбо даже забеспокоился.

– Ты что, Гэндальф? Или не признал меня? Хорошая будет штука, если мне придется возвращаться обратно, так и не поговорив с тобой.

Гэндальф улыбнулся:

– Бильбо, мальчик мой, конечно я узнал тебя и очень рад видеть.

Он встал с места, подошел к хоббиту и обнял его. Бильбо от радости и умиления всхлипнул и шмыгнул носом.

– Сколько мы не виделись? Прошла наверно целая жизнь.

– Ну уж, это преувеличение. Садись. Ты наверно устал с дороги. Сейчас принесут ужин.

Не успел Бильбо воспользоваться приглашением, как вошел низенький носатый толстячок с подносом в руке. На подносе стояли две тарелки и большая кружка. Все это источало вкусный аромат. Бильбо завертел носом.

Гэндальф рассмеялся:

– Узнаю, узнаю тебя, Бильбо! Давай ешь, а я кое-что тебе расскажу.

Бильбо закивал, но ничего сказать не мог, потому что рот у него уже был набит едой.

– Итак, – начал Гэндальф, – наверно ты понял, что я попросил тебя приехать сюда не случайно.

Бильбо кивнул еще раз. Гэндальф улыбаясь, смотрел на него.

– Хотя в этот раз драконы тут вовсе не при чем.

– Об этом ты в письме писал, – кивнул головой Бильбо.

– Просто я очень по тебе соскучился, мой дорогой хоббит. Так соскучился, что как только оказался недалеко от твоих мест попросил Балина и Двалина съездить за тобой.

– Очень любезно с твоей стороны, дорогой Гэндальф, – Бильбо наконец смог что-то сказать. – Если только это, то и я по тебе очень соскучился.

– Вот и славно.

– А что важное ты хотел мне сообщить? Надеюсь, ты не собираешься взять меня опять в какое-нибудь предприятие?

– Ни в коем случае.

– Тогда я рад. А какая еще причина?

– А я уже сказал. И опять повторю. Я по тебе очень соскучился. Разве это не веская причина для встречи? Или мы не друзья?

– Да, это веская причина. А зачем ты велел мне взять с собой мое волшебное кольцо?

– Чтобы без тебя, его не украли воры.

– Только и всего?

– Только и всего.

– Что-то ты хитришь, а вот где хитрость, я что-то не пойму.

– Нет никакой хитрости, – сказал Гэндальф. – Мы с тобой встретились, я убедился, что ты жив, здоров и по-прежнему хорошо упитан. Сейчас мы вместе выпьем винца, вспомним былое, а потом каждый отправится своей дорогой.

– Ты хочешь сказать, что я могу возвращаться домой в Хоббитаун? – обрадовался Бильбо.

– Точно так. Через полчаса мы отплываем, так что у нас немного времени. Дай мне поглядеть на тебя еще раз.

– погоди, погоди, – недовольно проворчал Бильбо. – Я тут, понимаешь, неделю не слезал с седла, чтобы увидеть тебя, а оказывается все это на полчаса. И, позволь, куда я сейчас пойду? Ночь на дворе. Ничего не видно, хоть глаз выколи. Когда мы ехали сюда, то целый день ни одной живой души не встретили, а ты мне предлагаешь возвращаться по этой дороге, да еще ночью.

– Ах, вот, как! – расстроено, всплеснул руками Гэндальф. – Ты боишься возвращаться один?

– Конечно. Ведь Балин и Двалин отправляются в море с тобой!

– Об этом я как-то не подумал, – Гэндальф занервничал. – И как назло, мы не можем оставаться на ночь. Просто ни минутки лишней нет. Что же делать? Что же делать?

Бильбо разнервничался не меньше, чем его друг. Он чуть не плакал.

– Мы слышали, как вдалеке воют волки. Наши пони чуть не сбросили нас с седел. Мы едва с ними справились и удержали на дороге.

– Тогда у тебя только один выход, – сказал Гэндальф.

– Какой же?

– Плыть с нами.

– Плыть с вами?!!

– Ну да. Что тут такого? Через три дня мы будем в Харлиндоне. Там ты высадишься в Лунной гавани и за два дня доберешься до Хоббитауна в почтовой карете. Как тебе такое предложение?

– Не знаю, – замялся с ответом Бильбо. – Я никогда не плавал по морю.

– Вот и попробуешь. Морская прогулка. Что может быть лучше? Гудят паруса, мачты скрипят, поют морские чайки. Подо все это очень хорошо спится. Ты глазом моргнуть не успеешь, как все закончится. И при этом не надо трястись в седле и волочить ноги. Опять же никаких опасностей. Вода кругом, и видно далеко. Ни разбойников, ни гоблинов, ни волков.

Бильбо думал, положив подбородок на кулак. Гэндальф продолжал уговаривать:

– А знаешь, как свежий морской воздух возбуждает аппетит? О, моряки съедают за обед в пять раз больше, чем на суше. А какие блюда из рыбы готовит наш кок! Пальчики оближешь. Ты не знаешь нашего кока? Он раньше служил у Форонгильского короля поваром, пока я не переманил его к себе. Он лучший повар в мире.

– Это правда? – оживился Бильбо. – Если так, то я, пожалуй, согласен.

– Вот и славно, а то пока мы тут с тобой беседуем, наш «Хеллуин» похоже, уже поднял паруса и покинул гостеприимную землю Минириата. Так, что мы уже плывем. Хорошо, что ты решился плыть с нами. А то бы это тебя сильно расстроило. А так...

– Да уж, – вздохнул Бильбо, – отступать действительно некуда. Но я так и знал, что ты меня куда-нибудь втянешь, Гэндальф. Таковы видимо твоя натура и моя судьба.

Хоббит и маг рассмеялись и пожали друг другу руки.

Глава седьмая

САРУМАН ИСПОЛЬЗУЕТ ПАЛАНТИР ОРТХАНКА

Когда посланник Денетора покинул Изенгард, светлый маг потерял покой. Все мысли, и взгляды его были устремлены на юг к Минас Тириту. Часами стоял он на главной башне Ортханка и смотрел на юг. Но даже его зоркое зрение, которое могло преодолевать сотни лиг, не могло показать во всех подробностях, что там происходило.

На следующий день из крепости выехал всадник и галопом помчался на юг. Он нес послание Денетору, в котором Саруман благодарил сына наместника за те сведения, что узнал от него.

Маг никогда не выглядел таким взволнованным, как в эти дни. Он ходил взад-вперед и о чем-то размышлял. Время для него вдруг стало долгим и мучительным.

На третий день он перестал смотреть на юг. Взор его переместился вниз, к основанию башни.

– Подземелье Ортханка, – несколько раз сказал он себе. – Там ответы на все вопросы. Что, если?...

И он боялся спрашивать себя дальше.

Башня была построена им десять лет назад на вершине горы. Когда-то, лето сорок назад, по его заданию гномы-рудокобы обнаружили здесь подземелье, в котором он нашел черный палантир. Это был не простой палантир. Ни в одной из хроник и летописей о нем никогда не упоминалось. Но то, что это был камень видящий издалека, Саруман не сомневался. Это был очень опасный палантир, не менее опасный, чем было Око Дракона, и от него шла сильная и могучая сила. И сила эта была недобрая. Саруман боялся ее, но в то же время его все время влекло к Ортханку.

Когда он только нашел его, то однажды попытался заглянуть внутрь черного камня, но не сделал этого, потому что именно в этот момент к нему пришел Гэндальф и сообщил о возвращении в Темное Царство Саурона, главного врага Светлых магов и Мудрых эльфов, да и всего живого в Средиземье. Саруман тогда не решился на продолжение опыта и спрятал камень обратно в подземелье под надежным замком, и поставил вечную стражу.

Несколько раз за эти годы страстное желание воспользоваться силой палантира Ортханка овладевало им, и каждый раз он отступал в последнюю минуту. Страх оказаться очарованным палантиром останавливал его.

В этот раз, любопытство оказалось сильнее страха и благоразумия.

– Чего я боюсь? – спросил сам себя Саруман в состоянии сильнейшего возбуждения, которое не был в силах унять. – Разве я не самый могущественный маг в Средиземье? Разве не мне подвластна магия? Не меня ли зовут Куруниром, что значит Великий Мастер. Неужели я не справлюсь с этим глупым булыжником? Если он попытается овладеть мною, или окажет на меня влияние, я просто уничтожу его, как это сделал Гэндальф с Оком Дракона.

И Саруман достал ключ от подземелья Ортханка.

Чтобы попасть в подземелье, надо было сначала подняться по внешней лестнице на вершину башни, затем открыть дверь и войти в нее. Затем уже можно было спускаться по чугунной винтовой лестнице вниз ко входу в недра горы.

Саруман отомкнул замок, но тяжелая, окованная медью, дубовая дверь осталась закрытой. Она словно срослась с камнями стены. Маг возложил на дверь руки и прошептал несколько непонятных слов:

– Оронис, бининас, аратор!

Это было заклинание, открывающее невидимые замки. Дверь открылась, словно сама по себе. Но за ней была частая толстая решетка, через которую нельзя было даже просунуть руку.

Глянув на нее, Саруман на мгновение задумался. На мгновения сомнения вновь закрались в его душу. Вот тот момент, подумал он, когда можно отступить.

Но его правая рука уже подняла магический жезл. Решетка вспыхнула ярким белым светом и пропала, так словно ее и не было. Маг сделал первый шаг, после чего уже не в силах был остановиться. Плотная тяжелая тьма навалилась на него со всех сторон, но Саруман не обращал на нее внимания. Он шел, и посох помогал ему сохранить равновесие и не упасть на крутой лестнице с маленькими ступеньками.

– Артыл арано? – вдруг хрипло прозвучали в темноте утробные гортанные звуки.

На Сарумана из темноты глянули две пары желтых совиных глаз. Маг понял, что он уже внизу у самого входа под землю, куда когда-то он уже заходил. И гномы-рудокобы заходили вместе с ним, только вот не смогли вернуться назад. А он смог. И даже вынес палантир. И палантир ничего не смог сделать с ним тогда. Саруман вспомнил это и повеселел. Что же он сейчас стал слабее? Чуть!

– Арано, глыртыб гудх! – ответил он.

Посох его вспыхнул белым пламенем и разогнал тьму.

Два тролля, прикованные тяжеленными стальными цепями к стенам шарахнулись от Сарумана в стороны и буквально вжались в сырые черные камни. Огромными грубыми волосатыми ладонями они закрывали свои лица, чтобы в глаза им не бил яркий свет. Проход дальше вниз был свободен. Маг остановился еще раз. Теперь он не двигался несколько дольше. Сомнения еще пытались одолеть его.

– Правильно ли я поступаю? – спрашивал он себя. – На верный ли шаг иду? Не союз ли это со злом? Не запятнаю ли я своего светлого разума? Преодолею ли ловушки тьмы?

Посох его горел все ярче и ярче. Рука мага дрожала, глаза метали молнии. Но тьма уже звала его к себе и манила возможностью открытия великой тайны.

– Нет, я самый могущественный здесь в этом мире! – вдруг громким голосом закричал Саруман. – Нет никого умнее меня! Только я способен совершить это. Ничего, что я использую зло. Это будет во благо света. Свет мне поможет.

Посох в его руке разгорался все ярче и ярче, так что даже самому магу стало тяжело смотреть на него. Один из троллей не выдержал, захрипел, отнял руки от лица и глянул на свет, после чего сразу окаменел. Саруман походил на безумца. По лицу его ручьями тек пот.

– Силь, оровен! – громко сказал он и шагнул вниз. – Да поможет мне свет! Силь оровен!

С этими и другими непонятными словами он спускался все ниже и ниже, пока не добрался до самого дна колодца.

Здесь в узком тесном гроте на металлической треноге возлежал ларец из красного дерева. Большой и дорогой ларец. Саруман подбежал к нему и обнял его руками. Долго смотрел на крышку, затем резко открыл ее и достал палантир.

В пещере было светло, как при ярком солнце. Посох мага продолжал светить и переливаться серебром, отчего вокруг все трепетало и двигалось. Только черный и непроглядный палантир оставался в руке мага сгустком тьмы и мрака.

Саруман поднес его к лицу.

– Я должен увидеть Гэндальфа, – пробормотал он. – Покажи мне его! Покажи!

И с этими словами он взгляделся в бездонный мрак палантира.

Каково же было его удивление, когда он ничего кроме мрака не увидел. Но этот мрак затягивал его все глубже и глубже. Саруман хотел было оторваться от палантира, но не смог этого сделать.

– Силь Оровен! – через силу прошептал он. – Силь Оровен! Анас Дил!

И мрак отпустил его и рассеялся. В глаза волшебника хлынул мягкий рассеянный свет. Сквозь туманную дымку Саруман увидел в несколько искаженном виде море и вздохнул с облегчением.

– Я победил, – сказал он себе, вглядываясь в синие морские просторы.

Изображение, которое было перед ним, было нечетким и размытым. Все, к тому же виделось вдалеке. Тем не менее, маг был доволен, потому что смог увидеть силуэты трех кораблей.

– Вот они, – удовлетворенно пробормотал он. – Гэндальф! Старый друг и соперник. И в этот раз тебе не обойти меня.

Внезапно все потемнело внутри палантира, и снова чернота напозла на Сарумана.

– Силь Оровен! – закричал маг. – Силь Оровен!

Чернота на мгновение просветлела, но затем вдруг снова навалилась на мага и сдавила ему виски. От боли Саруман даже застонал. Его рука судорожно сжала посох, и он отпрянул назад. Последнее, что он увидел, был его светящийся тревожным голубоватым сиянием посох. Потом он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то увидел перед собой закрытый ларец и лежащий на нем посох. Саруман понял, что каким-то образом, почти не сознавая, что делает, он все же спрятал палантир обратно под крышку ларца.

– Первый бой я выиграл, – произнес он, с трудом шевеля губами. – Оно не смогло овладеть моей волей. И этому не бывать никогда.

Он встал и с трудом покинул подземелье и добрался до верха. Уцелевший тролль проводил его жалобным поскуливанием.

«Надо бы приставить сюда еще двух охранников, – подумал Саруман. – Завтра же пошлю в горы охотников на троллей.»

Наверху его встретил свежий горный воздух. Саруман долго не мог надышаться им. Голова после затхлости подземелья и воздействия тьмы невыносимо болела, а сил на обезболивающее заклинание не было. Впрочем, Саруман умел не обращать внимания на такие пустяки, как головная боль.

Прибежали встревоженные слуги. Маг прогнал их повелительным жестом руки. Несмотря на всю тяжесть, которая все еще давила его, Саруман ликовал. Свершилось! Он сделал это. Откинул прочь сомнения, бросил вызов судьбе и стал ее хозяином. Истинным магом, повелителем своей воли. С высоты башни взирал он на растелившуюся перед ним равнину, и сердце его наполнялось радостью от предчувствия чего-то великого и давно и горячо желаемого.

Через девять дней он снова спустился в подземелье Ортханка и открыл ларец. В этот раз он подготовился более тщательно, потому что уже знал, как ведет себя палантир. Тьма мгновенно отступила от него, и палантир стал подвластен его желаниям.

Саруман направил его в южную сторону и опять увидел море и три корабля.

– Это они, – прошептал Саруман.

Корабли были далеко-далеко, почти на линии горизонта. Они плыли в туманной дымке, хотя солнце ярко светило над морем и был ясный день. Маг прочитал заклинание, преодолевающее пространство, и как бы приблизился к кораблям. Теперь стало можно ясно различить силуэты кораблей, их гордые гондорские профили, и даже пенистые волны, рассекаемые острыми изящными носами триер. Над судами парили морские чайки, и Саруману даже показалось, что он слышит их крики.

– Еще ближе, – прошептал маг, вглядываясь в палантир. – Ближе!

Но больше корабли не приближались, а Саруман вдруг почувствовал невыносимую усталость. Он хотел отойти от палантира, но не смог этого сделать сразу. Потребовалось сразу несколько мощных слов, чтобы усилить свою волю. Когда он оторвался от палантира,

то чувствовал себя так, как будто у него на плечах лежит целая гора, которую он не может скинуть с плеч.

А еще ему показалось, на какой-то миг, что кто-то смотрит в палантир вместе с ним. Ощущение было столь сильным, что он даже оглянулся, чтобы убедиться, что никого нет за спиной.

За спиной никого не было, но ощущение оставалось. Маг сделал жезлом несколько движений и нарисовал в воздухе охранную руна. Руна вспыхнула белым пламенем, потом рассыпалась в воздухе, и неприятное ощущение прошло.

Саруман положил палантир обратно в ларец и накрыл крышкой.

И еще целую неделю он не поднимался на башню Ортханка. Все эти дни он отдыхал и набирался сил, которых лишился за эти два раза посещения палантира. Ничего делать он не мог. Просто лежал в постели, словно настоящий больной старик и только пил воду из горного ручья, которую ему приносили слуги. Источник был далеко, и им приходилось несколько раз в день подниматься по узкой тропе на высокое предгорье в трех полулигах от Изенгарда, потому что вода нужна была самая свежая и не успевшая согреться.

Саруман ничего не делал. На него было совсем непохоже, потому что он никогда не сидел без дела, а всегда находился в своей лаборатории, проводил магические опыты, или в кабинете, где погружался в книги и мог читать несколько дней подряд без сна и отдыха.

Но через неделю, когда силы полностью восстановились в его старческом на вид, а на самом деле могучем и неутомимом теле, он сразу поднялся на башню Ортханка и спустился в подземелье к палантиру. Теперь подвал охранялся пятью троллями, которых специально для этой цели поймали накануне. Все они были ослеплены, так что свет, даже магический, им теперь был не страшен. Саруман даже не взглянул на них, а сразу прошел к палантиру.

– Пора тебе покинуть недра земли, – сказал маг, и вынес ларец из подземелья. Он поднялся наверх, где под покатой крышей башни была построена двустенная келья с низкой железной дверью. Окон в ней не было. Зато посередине стояла приземистая каменная тумба. Он возложил ларец на нее и открыл крышку. Черный палантир мягко поднялся в воздух и завис на уровне глаз Сарумана. Маг приблизился к нему, сделал над ним несколько пассов руками, и только после этого заглянул в черноту камня. – Силь Оровин!

Тьма расступилась перед ним в одно мгновение. Саруман не удержался и радостно и торжествующе рассмеялся. В этот раз на овладение тьмой ему почти не потребовалось усилий. Все получилось как бы само собой.

Также быстро и просто он преодолел пространство и отчетливо увидел то, что хотел увидеть. Он увидел стоящего на орловидном носу триеры «Хеллуин» Гэндальфа. Маг стоял и всматривался вдаль. На мгновение Саруман даже увидел его острый пронзительный взгляд. Видение было столь ясным и отчетливым, что он даже отпрянул назад. Затем рассмеялся:

– Нет, нет, конечно же, он не видит меня.

И опять приник к палантиру и не отрывался от него до вечера. А вечером показались корабли пиратов, и Саруман увидел сражение. Затаив дыхание, глядел он, как бьется его собрат по колдовству и его спутники. Изображение уже было расплывчатое и размытое. Слышно ничего не было, но фантазия Сарумана прекрасно дополняла то, что не показывал магический камень. И морской бой неожиданно сильно взволновал Сарумана. Противоречивые мысли роились в его голове. То он хотел, чтобы пираты смели Гэндальфа и его соратников, то желал им победы.

И опять магу показалось, что он не один смотрит вдаль, сквозь великое пространство палантира. Опять было ощущение, что кто-то стоит у него за спиной. Маг снова нарисовал охранную руна и прогнал соглядатая, если таковой имелся.

– Может это порабощенный дух камня? – спросил он себя, на миг, оторвавшись от палантира.

И тут же, только в этот раз не тьма, а мутная молочная серость вдруг наполнила палантир. Камень отказывался показывать что-либо еще. У него тоже были свои пределы.

– Да, – сказал Саруман, – это был дух палантира. И я оскорбил его своей защитой от подглядывания. В следующий раз попробую воздержаться от рунной защиты.

Но палантир не показывал несколько дней. Он даже не поднимался из ларца, когда Саруман открывал крышку. Лежал в нем, словно обыкновенная булыга. А Саруман изнывал от желания увидеть Гэндальфа. Он не сомневался в том, что гондорцам удалось одолеть пиратов. Но ему хотелось убедиться в этом своими глазами.

Палантир дал ему это возможность только на пятый день. И когда Саруман вновь ощутил за спиной чье-то присутствие, то постарался сделать все, чтобы не замечать его. И вскоре ему это удалось. Он перестал обращать внимание на это ощущение. Уж очень не хотелось ему, чтобы камень опять ослеп.

А три корабля по-прежнему продолжали свой путь. И опять на носу «Хеллуина» стоял Гэндальф, и ветер трепал его бороду. А рядом с ним стоял еще кто-то, кого прежде не было. Но вот кто это был, Саруман разглядеть не мог. Силуэт его был невелик и полностью размыт. И еще он то появлялся, то исчезал. Впрочем, маг не стал ломать голову над этим. Его интересовал только Гэндальф.

И он не отрывался от палантира, и совершенно перестал ощущать чужое присутствие рядом с собой. Ему больше не казалось, что он не один смотрит в темноту палантира.

А этот кто-то продолжал за спиной Сарумана тихо и незримо наблюдать за тем, что показывал черный палантир.

Глава восьмая ПОТЕРЯННАЯ ГАВАНЬ

Когда наступило утро, и Бильбо Бэггинс вышел из своей каюты и поднялся на палубу, погода была преотличная. Ярко светило солнце, дул попутный ветер, гулко гудели тугие паруса и скрипели мачты. Все было, как обещал Гэндальф. Хоббит вдохнул полной грудью свежий морской воздух и стал искать взглядом волшебника. Маг стоял на носу корабля и всматривался вперед. Хоббит пошел к нему. Это оказалось не просто – идти по палубе, которая, того и гляди, пыталась уйти из под ног. Но никто не стоит так твердо на ногах, как хоббиты. Это их природная способность, поэтому, несмотря на качку Бильбо ни разу не упал и даже не споткнулся, пока добирался до мага.

– Доброе утро, – встретил его Гэндальф.

– Очень доброе, – согласился Бильбо. – Надеюсь, оно будет таким до тех пор, пока я не доберусь до Лунной гавани и сойду на берег.

– Ты так торопишься?

– Если честно, то нет, – вдруг признался хоббит. – Мне даже любопытно. Никто из всех известных мне хоббитов не выходил в море на корабле. Мы и по рекам не любим плавать. Уж тут ничего не скажешь. А море, это совсем! Это слишком.

– Что слишком?

– Слишком много воды, сударь. И откуда ее только столько набралось?

– А что ты скажешь, если я поведаю тебе о том, что моря на самом деле куда больше, нежели суши?

– Вчера бы сказал, что ни почем в это не поверю, но вот сегодня меня сомнения в этом берут. Хотя все же не верится.

– Говоришь, что хоббиты не любят плавать, – усмехнулся Гэндальф, – а сам весел и даже преисполнен желания перекусить.

– Это точно! У меня такое чувство, что я могу не только три завтрака съесть, а все десять.

– Молодец! Вот за это я тебя и люблю, дорогой мой Бильбо. Ни качка тебя не берет, ни отсутствие берега вдалеке.

– Что мне качка? Это ведь не голод. Мне даже нравится, когда качает. И спится весьма крепко. Уверен, что и пища в животе будет лучше укладываться и быстрее перевариваться.

– Тогда пошли завтракать!

И друзья отправились в каюту.

Так, самым неожиданным образом наш Бильбо Бэггинс стал морским путешественником. Чего говорить, такого с ним еще не случалось! Ну, бродить по лесам и лазать по горам, куда ни шло. Но чтобы вот так, по морю, да на корабле. Нет, если бы многочисленные родственники и соседи увидели его в данную минуту, то точно бы здороваться с ним перестали навсегда.

Но Бильбо об этом не думал. Он радовался, что погода хорошая, воздух свежий, море синее, солнце яркое, на борту корабля бесчисленное количество продовольствия и еще большее количество бочек с вином и пивом. Целый день он не вылезал из-за стола и отмечал встречу с Гэндальфом, Балином и Двалином, а также знакомство с Торонгилом, которого Гэндальф почему-то называл Эстелем.

Познакомил их конечно же Гэндальф, как только они вошли в каюту, где тот стоял рядом с капитаном и всматривался в разложенные на столе карты.

– Слушай, Бильбо, – обратился он к хоббиту, – вот это Эстель.

– Я уже имел честь его видеть, – весело ответил Бильбо, также подходя к столу. Всякие разные карты, планы, схемы всегда были его слабостью, и он никогда не упускал случая, чтобы не посмотреть на них. – И он представился мне, как Торонгил. А где мы сейчас находимся?

– Вот здесь, – Торонгил ткнул пальцем в желтое поле карты.

– Далековато от берега, – вздохнул Бильбо. – А где Лунная гавань?

– Вот она, – опять показал Торонгил. – Если ветер не ослабнет и не переменится, то мы будем в ней уже вечером.

– А через три дня, я буду уже дома, – засмеялся Бильбо. – Давайте это сейчас и отметим.

Убрали карты, накрыли на стол и подняли большие морские кружки с крышками.

– За мое самое короткое путешествие! – провозгласил Бильбо.

– За него, – согласился Гэндальф.

В общем, день прошел весело. Вернее первая его половина, потому что после обеда, погода вдруг резко испортилась. На небо набежали плотные серые тучи, и сразу море из синего стало молочно-белым и а потом почти черным. Ветер из свежего стал сырым и промозглым, а качка усилилась раза в четыре. Гномы, которые не очень-то переносили и дневную качку, просто повалились друг на друга, а их красные физиономии стали вдруг такими же зелеными, как их кафтаны.

Бильбо и сейчас не почувствовал ничего дурного в своих ощущениях, но настроение у него резко испортилось.

– Эй, Гэндальф, – стал он приставать к магу. – Мы так не договаривались. Ты ведь обещал отличную погоду. Где она?

– По мне, так и эта погодка неплоха, – отмахнулся Гэндальф, обдаваемый ледяными солеными брызгами, он снова стоял на носу «Хеллуина».

– А я вот беспокоюсь. Вдруг этот шторм нас потопит?

– Где ты видишь шторм, дружище? Небольшая качка. Все в порядке.

– А ты не можешь разогнать все эти тучи и заставить утихнуть ветер? Уж больно он громко свистит. И эти противные мачты стонут так жалобно, словно мы уже отправились на морское дно кормить рыб. Мне это не нравится. Так все было чудесно совсем недавно.

– Здесь в море, погода меняется очень быстро и часто. Думаю, что и без меня все уладится.

Но, ничего не уладилось. Наоборот, ветер крепчал, мачты продолжали стонать, а матросы убрали все большие паруса и отдали корабли воле волн. Теперь все зависело только от мастерства кормчих.

– Почему ты ничего не сделаешь? – продолжал приставать к Гэндальфу Бильбо. – Ведь если сегодня погода не наладится, мы не сможем добраться до Лунной гавани.

– Не доберемся сегодня, прибудем в нее завтра, – ответил Гэндальф. – А насчет того, чтобы усмирить бурю, то ты обратился не по адресу.

– К кому же я должен обратиться? – удивился Бильбо.

– Наверно к морскому царю, – усмехнулся маг.

– И как это сделать?

– Вот уж этого я тебе не могу сказать, потому что и сам не знаю. Разве что...

– Что, разве что?

– Разве что ты можешь попробовать прыгнуть за борт. Но за последствия я не отвечаю.

На все это Бильбо только и оставалось, что плюнуть и с ворчанием убраться обратно в свою каюту и завалиться там на висячей под потолком матросской койке. Что касается Гэндальфа, то он так и оставался все свободное время на носу «Хеллуина», вглядываясь вперед и размышляя о чем-то своем.

К вечеру шторм усилился, превратившись чуть ли не бурю. Огромные волны гуляли вокруг трех триер, грозя раздавить их, словно яичную скорлупу и отправить на морское дно. Черное непроницаемое небо было усыпано густой сетью из молний, стрелы которых с гулким шипением врезались в воду, словно хотели добраться до владений морского царя.

Гэндальф всю ночь простоял на носу «Хеллуина», который был ведущим. И может быть именно поэтому, волны ничего не могли сделать с гондорскими триерами. Они медленно, но упорно продвигались вперед. Словно какая-то неведомая сила вела их, не пользуясь услугами ветра, который из доброго друга вдруг превратился в страшного врага.

Утро не принесло ясности. Буря продолжала бушевать. Правда волны уже не были такими высокими, и ветер постепенно терял свою разрушительную силу. Все были уже изрядно измучены плаванием. Особенно Бильбо, который к тому же сильно нервничал по поводу своего опоздания в Лунную гавань. Из каюты он больше не выходил и Гэндальфа не видел. С Балином и Двалином он тоже не разговаривал, потому что гномы валялись на своих койках недвижимо, словно поленья и только громко и жалобно стонали, проклиная судьбу.

Когда наступил вечер, Бильбо все же покинул каюту и отправился на поиски Гэндальфа. Палуба под его ногами просто ходила ходуном. До носа путь был неблизкий, а налетавшие со всех сторон волны так и норовили смыть хоббита за борт, и Бильбо уже на полпути пожалел, что вышел из каюты, но возвращаться уже было поздно.

Самый опасный участок пути был от топ-мачты до носа. Нужно было идти по палубе, на которой не было почти ничего, за что можно было бы зацепиться. Но Бильбо все же пошел, и на первом же крене, поскользнулся на мокрых и гладких досках палубы, упал и покатился к борту. Тут же высокая волна с ревом поднялась над ним.

– На помощь! – запищал в ужасе хоббит. – Помогите!

Вполне вероятно, что эта волна унесла бы его с собой в море, если бы рядом не оказался Торонгил. Он как раз тоже следовал к Гэндальфу, и уже давно наблюдал за действиями хоббита. Увидев, что Бильбо покатился вниз, он бросился за ним, и как раз, когда волна обрушилась на хоббита и уже приготовилась увлечь его в море, он накрыл его собой и прижал к борту. Волна шумно и с негодованием всхлипнула и укатилась обратно за борт. «Хеллуин», подвластный воле пучины, накренился на другой бок, Бильбо и Торонгил вместе с ним, покатались к другому борту. Но до конца они не докатились, потому что большеногий схватился рукой за какой-то канат, и они с хоббитом остались в центре корабля. Торонгил встретил испуганный взгляд хоббита и улыбнулся ему:

– С чего это тебе вздумалось разгуливать по кораблю в такое время?

– Хотел нагулять аппетит, – буркнул в ответ Бильбо. – Я всегда гуляю перед ужином.

Торонгил расхохотался:

– Ответ, достойный хоббита!

Он помог Бильбо встать на ноги. Хоббит был мокрым с головы до ног.

– Хорошо меня окатило! – сказал он. – Не надо будет принимать душ. А где Гэндальф?

– Я здесь! – раздался рядом голос мага. – Бедняга Бильбо! Я видел, что произошло. Зачем ты покинул каюту? Если бы не Торонгил, то даже я ничего не успел бы сделать, потому что был слишком далеко. Ты напугал меня, дружок.

– Но ведь ты не шел ко мне! – обиженно ответил Бильбо. – А у меня к тебе накопилось столько вопросов. Вот я и решил, что если волшебник не идет к хоббиту, то сам хоббит должен идти к волшебнику.

Бильбо переводил взгляд с Гэндальфа на Торонгила, с Торонгила на Гэндальфа. Весь его облик был наполнен немой упреком.

– И о чем ты хотел спросить меня? – поинтересовался Гэндальф.

– Где Лунная гавань? Кто обещал мне, что уже сегодня я буду находиться на дороге к Хоббитании?

– Лунная гавань? – переспросил Гэндальф. – Ты спрашиваешь про Лунную гавань?

– Да!

– Боюсь, что должен разочаровать тебя, Бильбо.

– Что такое?

– Лунная гавань была сегодня в полдень, но мы прошли мимо нее, потому что не было никакой возможности приблизиться к берегу. Море и ветер не позволили нам сесть на стоянку, как это не прискорбно. А теперь место, где ты собирался высадиться, осталось далеко за спиной.

– И что же мне теперь делать? – воскликнул Бильбо, когда до него дошел смысл сказанного.

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Именно так. Прости, что втянул тебя в это дело, но теперь уже ничего не поделаешь. Тебе придется продолжить свою поездку с нами.

– Но я не хочу! – обиженно и чуть не плача затопал ногами Бильбо. – Ты слышишь, Гэндальф! Я не хочу!

Теперь уже лицо Гэндальфа наполнилось гневом:

– А ты думаешь, я хочу? Мне это все нравится? Эта буря? Этот ветер? Эти волны? Ты думаешь, так легко умирять всю эту стихию? И тем не менее я делаю все возможное, чтобы мы не отправились на дно, а ты пристаешь ко мне с всякими мелочами!

Две волны налетели на «Хеллуин» сразу с обеих сторон. С грохотом они стукнулись друг о друга, а корабль оказался на высоком образовавшемся от их столкновения гребне. Гэндальф с трудом устоял на ногах, и помог не упасть хоббиту. Торонгил тоже не упал, потому что опять схватился все за тот же канат.

– Вот видишь, что ты наделал? – накинулся Гэндальф на Бильбо. – Я стою тут и спорю с тобой, вместо того, чтобы хранить нас в пути.

– Делай то, что ты должен делать! – ответил Бильбо. – Я больше не стану мешать тебе.

И хоббит отправился обратно. Торонгил пошел за ним следом и проводил его до самой каюты.

Гэндальф посмотрел им вслед и опять отправился на нос «Хеллуина». Он очень устал, но не собирался бросать свой пост. Когда он был на месте, то поднял над головой засиявший посох и стал читать заклинания, которые могли укрепить силу гондорских кораблей.

Только на третий день небо расчистилось, буря утихла, и Гэндальф вернулся в каюту.

– Все, – сказал он, подходя к столу и наполняя кружку вином. – Больше нам ничего на воде не угрожает.

Бильбо, сидевший за столом, глядел на него исподлобья.

– Ты спас всех нас, – сказал он.

– Да, я спас всех нас! – ответил маг, смахивая с бороды и усов винные капли. – Такой бури еще не было в этих водах. Такое чувство, что кое-кому очень могущественному не хочется, чтобы мы продолжили путь. Однако и его силы тоже имеют границы.

– И как я теперь вернусь домой? – тихо спросил Бильбо.

Гэндальф положил ему руку на плечо:

– Послушай, малыш, ничего страшного не произошло. К чему так расстраиваться? Мы обогнем Дальний Линдон – самую западную часть Средиземья, и доберемся до Закатной бухты. Уж ее то мы не потеряем. Там воды спокойные, хотя часты туманы. Но мне никакой туман не страшен, уверяю тебя. От Закатной бухты до Хоббитауна всего двести лиг. Обещаю, что лично провожу тебя до дома. Ты веришь мне?

– Так и быть! – сказал Бильбо и вздохнул с облегчением. – С тобой, мне нечего бояться.

– Вот и славно. А теперь мне надо отдохнуть.

И Гэндальф улегся в висячую матросскую койку и тут же захрапел.

– Отдыхает наш добрый маг, – сказал Балин. Гномы к этому времени полностью пришли в себя и даже поели вяленного мяса.

– Он это заслужил, – отозвался Двалин. – Теперь и нам надо что-то поделать полезное. А то ведь столько времени потеряли зря.

И гномы отправились на палубу, где после бури всем было что делать. Надо было чинить паруса, перевязывать канаты, чистить палубу.

Бильбо, которому тоже ничего было делать в каюте, пошел с ними.

Глава девятая

ЗАБЫТЫЙ ЗАПАД И ТЕМНЫЕ ЭЛЬФЫ

Экспедиция на Забытый запад продолжалась. Уже на следующий день после окончания бури по правому борту опять стал виден берег. Острые силуэты горных вершин оттеняли чистое небо.

– Это голубые горы! – прикладывая ладонь к глазам, сказал Торонгил подошедшему к нему Бильбо. – Через несколько дней мы будем в водах Линдона, в стране, где темные эльфы ведут войну с диким народом.

– Море, – вздохнул хоббит. – Кругом море. Сплошное море. Честное слово, мне уже начала надоедать эта бесконечная вода. Так хочется на берег.

– Да, море велико, – согласился Торонгил. – Оно прямо под нами. А ведь было время, когда прямо здесь, где сейчас морское дно, была суша.

– Суша? Не может быть!

– И тем не менее это так. До потопа здесь была земля. Впрочем это длинная история.

– А куда нам спешить? – удивился хоббит. – Я готов выслушать твою историю с превеликим удовольствием.

– Что ж, слушай. Когда-то в Предначальную эпоху здесь не было моря. Была суша, и этот край был центром Средиземья и назывался Белерианд. Это была огромная и цветущая держава. Куда более могущественная, нежели нынешний Гондор. В ней проживали нолдоры – премудрые эльфы. Но потом Моргот – повелитель зла, тот самый Черный Враг, который под именем Мелькора похитил с Белого Древа Жизни Силльмариллы, священные камни мира, посеявший тем самым в мире вечное зло и начавший бесконечную войну, напал на Белерианд. На его стороне помимо орков и волкозлаков сражались балроги и драконы. Эльфов поддерживали люди. И была война. Долгая и кровопролитная. И не было в ней победителей. И силы Врага были столь велики, что он уничтожал одно царство эльфов за другим. Валинор, Белерианд, Дориат, Гондолин – эти великие государства древности перестали существовать. Моргот убивал или пленял одного короля, потом другого. Это были великие герои, имена которых вечно остались в памяти их потомков. И не могли враги Моргота объединиться, чтобы в единой борьбе сломить зло, и мир встал на грань, за которой уже ничего не было. Четыре великих битвы не смогли решить дела, пока не произошла пятая, которая осталась в истории как Война Гнева. В последней великой битве собрались друг перед другом все силы эльфов с одной стороны, и вся черная рать Моргота, и началась Великая Битва, пламя которой высоко поднялось над Средиземьем. Запылали и север и юг. Эльфы сражались мужественно и яростно и стали одолевать врага. Даже ужасные балроги уничтожались ими один за другим. И вдруг небо почернело от воспаривших в него драконов. Шум от их крыльев напоминал разбушевавшийся океан. Не стало видно солнца и синего неба, так много их было. И всей своей массой налетели они на воинства эльфов. И атака их сопровождалась великим громом, молниями и огненными вихрями. И не выдержав их натиска, отступили эльфы. Но тут к ним на помощь с небес на золотой ладье спустился Светлейший Эарендил, со сверкающим во лбу сильмарилом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.